

Софья Прокофьева

Лоскутик и Облако

Глава 1

О чём думала старая лошадь дядюшки Буля

«Ни одной травинки...» – думала старая лошадь.

Она тащила за собой тележку. На тележке большая дубовая бочка с надписью: «Вода принадлежит Королю».

Под надписью королевский герб: золотое ведро и корона.

Рядом с тележкой шагал дядюшка Буль, продавец воды.

– Эй, кому воды! Ключевой, холодной! – покрикивал дядюшка Буль.

«Какой у моего хозяина пронзительный голос, – подумала лошадь, – и кнут слишком длинный. Мог бы и покороче... Нет, хороший хозяин не мог бы продавать воду. Не мог бы, и всё. Он бы отдавал её даром».

Телега прогромыхала по мосту. Но реки не было. Под мостом торчали сухие пыльные камни.

«Какой же это мост, если под ногами нет воды? – думала лошадь. – Одно название. А ведь старый филин, Ночной Философ, который в темноте прилетает на крышу моей конюшни, мне рассказывал, что раньше здесь текла река и воды было сколько угодно. Только, может быть, он уже спятил с ума от старости? Бедный Ночной Философ...»

Теперь телега катила по кривой улочке. По обе стороны стояли серые от пыли дома.

«Разве это канава? – думала лошадь. – Какая же это канава, если в ней ни травинки? Ей даже стыдно называться канавой. А деревья без листьев? Разве это деревья?»

– Мама, глоточек! – захныкал тощий мальчишка.

– Дядюшка Буль! – окликнула продавца воды бледная женщина. – Налей кружку воды моему сынишке.

– Тпру! – крикнул дядюшка Буль, натягивая вожжи. – А что дашь за это?

– Моток кружев, дядюшка Буль, – заторопилась женщина, – тонких, как паутинка! Ты же знаешь, какая я мастерица.

Мальчишка одним духом опорожнил кружку, а мать держала раскрытую ладонь под его подбородком, чтобы не упало ни капли.

Лошадь проехала мимо колодца, доверху заваленного большими булыжниками. Около колодца, привалясь к нему спиной, сидели два стражника: Рыжий Верзила и Рыжий Громила. От скуки плевали: кто дальше.

«Какой же это колодец, если из него нельзя напиться? – подумала лошадь. – Одно название...»

– Как дела? – поинтересовался дядюшка Буль. – Никто не про?..

– Чего – не про!.. – лениво переспросил Рыжий Верзила, приоткрыв один глаз.

– Не пробовал ли кто-нибудь отвалить камни и набрать воды?

– Днем всё тихо, – зевнул во всю пасть Рыжий Громила. – А по ночам около каждого колодца ставят пушку. Попробуй подступись!

– Эй, кому воды! Ключевой, холодной! – снова завопил на всю улицу дядюшка Буль.

Но на его крик никто не вышел из домов. Двери захлопывались, закрывались окна.

«Ни травинки, ни листка. Бедная земля. Мёртвый город. Траву увидишь разве только во сне да за решёткой королевского парка. Как плещется вода в бочке, с ума сойти!»

Вот о чём думала старая лошадь дядюшки Буля.

Глава 2 Лоскутик

— Эй, Мельхиор! — крикнул дядюшка Буль, когда его тележка поравнялась с маленькой лавочкой. Над дверью лавочки, на кособокой вывеске, было выведено: «Иголки, булавки, разные острые вещи и всё, что пожелаете».

В дверях показался лавочник. Сразу было видно, что он торгует острыми, жёсткими и колючими вещами. Взгляд у него был колючий. Ресницы как иголки. Брови и усы похожи на жёсткие щётки.

— Говорят, подешевела водичка, — сказал лавочник и хихикнул.

— Пока нет, — грустно ответил дядюшка Буль.

— Так, значит, за одну серебряную монету два ведра? — ещё веселей спросил Мельхиор.

— За две монеты одно ведро, — совсем загрустил дядюшка Буль.

Увидев, что обмануть дядюшку Буля всё равно не удастся, Мельхиор перестал улыбаться и крикнул:

— Эй, Лоскутик, неси ведро!

Из темноты лавки с пустым ведром в руках выскочила девчонка.

Обыкновенная девчонка. Нос – лопаткой, да ещё к тому же густо посыпан веснушками. Глаза – зелёные. Тоющие рыжие косицы торчат в разные стороны.

Только вот одета она была необычно.

Всё её платье было сшито из разных лоскутьев: больших, маленьких, шерстяных, синих, красных, в полоску.

– Глоточек... – прошептала Лоскутик, уставившись на ведро с водой.

– Ещё чего! – прошипел лавочник.

В этот момент случилось кое-что странное.

Старая лошадь дядюшки Буля, всегда такая унылая и сонная, вдруг резко вскинула голову и заржалась.

Мало того, она поднялась на дыбы, насколько позволяли оглобли, и принялась быстро и радостно кивать головой, как будто с кем-то здоровалась. Но и этого мало. Она в изумлении таращила глаза, махала хвостом, тряслась гривой и продолжала ржать, как легкомысленный жеребёнок.

Дядюшка Буль даже пролил немного воды на землю.

Это случилось с ним в первый раз с тех пор, как он стал королевским продавцом воды.

Мельхиор покачал головой, взял ведро и понёс в дом.

При этом он делал такие осторожные и бережные шаги, как циркач, который держит на носу шест, а на шесте поднос, уставленный хрустальными бокалами.

Лоскутик вздохнула и поплелась к себе на чердак.

Это был самый обычный чердак. Мебели там никакой не было: всего только куча соломы в углу.

Лоскутик подняла с полу соломинку и принялась её жевать. И вдруг она что-то увидела на чердачном окне.

Трудно даже сказать, увидела она что-нибудь или нет.

Но если считать, что увидела, то на окне сидела лошадь дядюшки Буля, с трудом взгромоздившись на узкий подоконник.

С другой стороны, можно считать, что она вовсе ничего не увидела, потому что лошадь дядюшки Буля, сидевшая на подоконнике, была совсем прозрачной. Такой прозрачной, что её почти что и не было.

– Воды... – жалобно простонала лошадь.

Лоскутик замерла. Она не могла пошевелить и пальцем.

– Я так и знала... – безнадёжно проговорила лошадь и в отчаянии махнула хвостом. –

Я знала, всё равно воды не будет. Вместо воды будет открытый рот и глупый вид.

Лоскутик с изумлением увидела, что хвост у лошади исчез. Исчезли и задние ноги.

– Вы... кто? – пролепетала Лоскутик.

Лошадь мягко качнула гривой. Живот её стал совсем прозрачным.

– Я так и знала... – сказала лошадь, с упрёком глядя на Лоскутика, – я знала, когда я буду погибать, мне будут задавать вопросы. Вместо воды – одни вопросы...

Голос её слабел. Лоскутик увидела, что её передние ноги, длинная шея и грива исчезают прямо на глазах.

– Воды… – прошептали лошадиные губы и пропали.

Лоскутик скатилась вниз по лестнице.

Из спальни хозяев слышался дружный храп. Лавочник храл, как медведь в берлоге, лавочница попискивала, как суслик из норки.

Чтобы быть честным до конца, надо сказать, что Лоскутик задумалась и больно укусила себя за палец, глядя на ведро с водой. Никогда прежде она не осмеливалась сделать и шага к нему без спросу.

Но уже через минуту Лоскутик, задыхаясь, как могла быстро поднималась по лестнице, и вода выплёскивалась из ведра, текла по её голым ногам.

Нисколько не сомневаюсь, мой читатель, что, если бы ты очутился на месте Лоскутика и это у тебя на подоконнике сидела бы грустная прозрачная лошадь и просила напиться, ты бы поступил точно так же.

Лоскутик толкнула дверь коленкой.

На подоконнике никого не было. Прозрачная лошадь исчезла.

Никогда чердак не казался ей таким пустым. Лоскутик стиснула зубы, сжала кулаки, чтоб не зареветь. Всё сразу стало серым, скучным. Лоскутик села на кучу соломы, но тут же вскочила.

Она увидела, что над подоконником плавает один-единственный прозрачный и очень печальный лошадиный глаз.

Видимо, глаз увидел ведро. Он раскрылся пошире, мигнул, в нём сверкнула радость. Покачиваясь, он подплыл к ведру и нырнул прямо в воду.

Ведро как будто ожило. Оттуда послышалось бульканье, бормотание и очень довольное кряхтенье.

Через минуту из ведра показалась белая, лёгкая, будто вылепленная из мыльной пены, голова.

Лоскутик разглядела нос лопаткой, широко расставленные глаза, косички, торчащие в разные стороны.

Две белых руки упёрлись в края ведра. Человечек крякнул, поднатужился и сел на край ведра. Натянул белый рваный подол на коленки.

Он кого-то напоминал Лоскутику. Кого-то очень знакомого. Но кого? Лоскутик никак не могла сообразить.

Лоскутик заглянула в ведро.

«Пустое! – изумилась Лоскутик. – Ни капли не осталось. Даже дно сухое...»

– Когда-нибудь испарялась? – задумчиво спросил белый человечек.

– Н-нет... – шепнула Лоскутик.

И вдруг белый человечек дёрнул себя за ухо и плавно взлетел кверху.

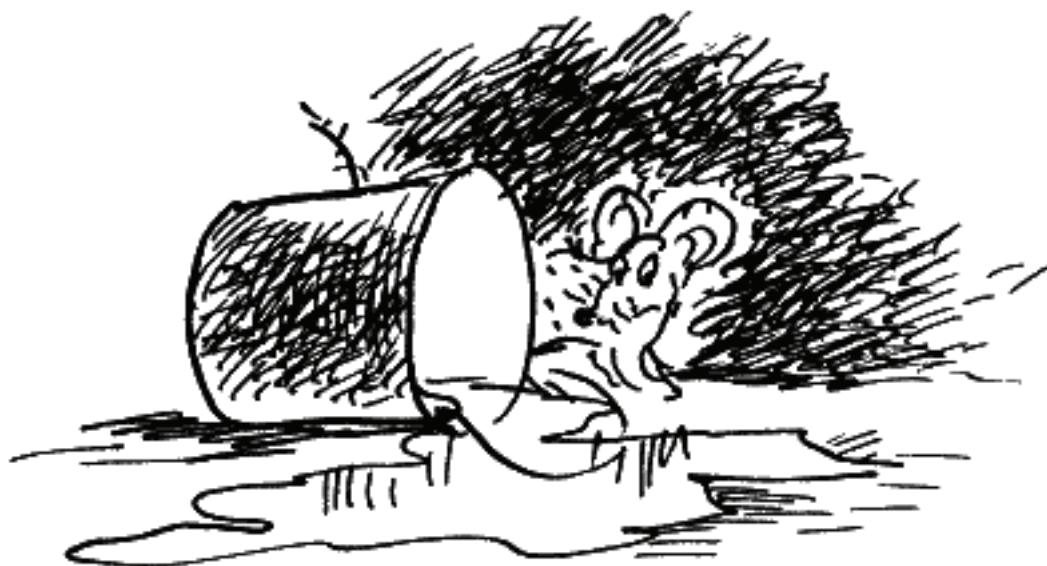
Он для этого ничего не делал: не махал руками, даже не шевелил пальцами босых ног. Просто летел себе – и всё.

Когда он пролетал над Лоскутиком, лицо её осыпало мелкие капли воды.

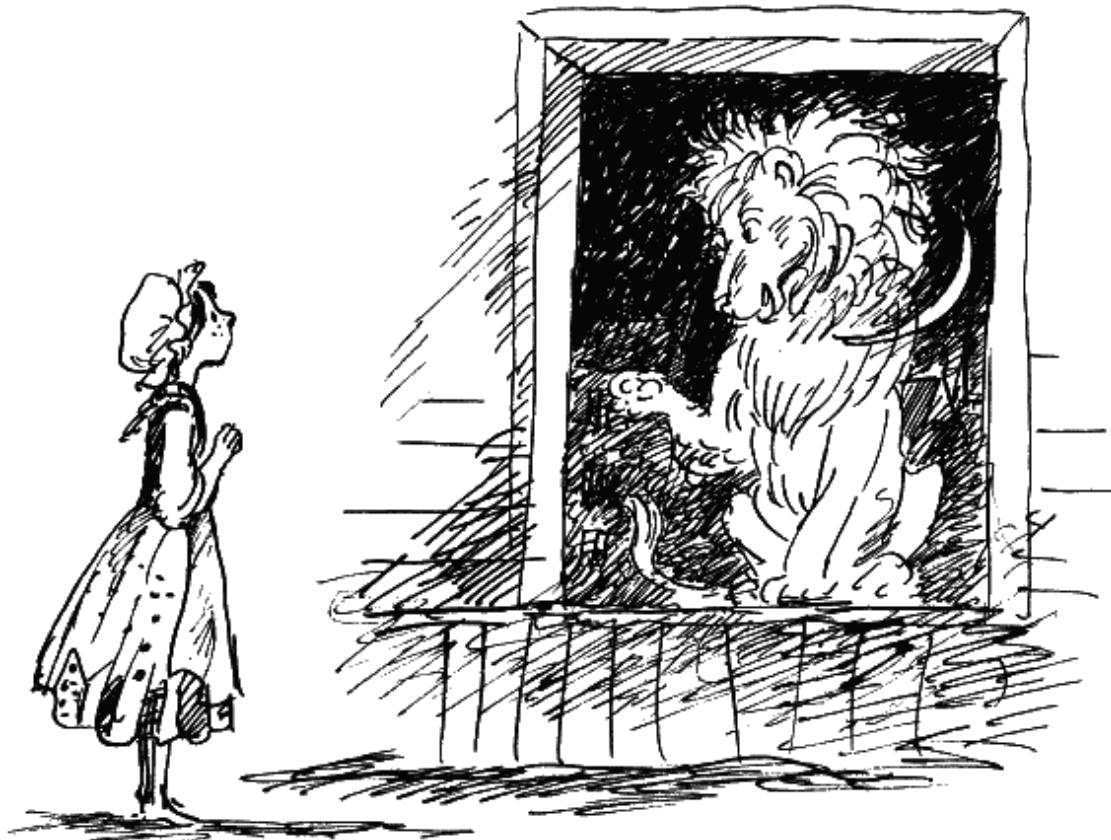
– Поняла? – спросил он.

– Не очень, – сказала Лоскутик, которая на самом деле ничего не поняла.

– Облако я, – просто сказал человечек, – обыкновенное Облако.

Глава 3 Белый лев на подоконнике

Стемнело. Из-за черепичной крыши вылез месяц – острые рожки.

Облако сидело на подоконнике, свесив ноги. Месяц сквозь него светил мутно. Таял, как кусок масла в манной каше.

– Ну, поколотят… – бодрилась Лоскутик, поглядывая на пустое ведро. – Тебе сколько лет? – спросила она у Облака.

– Не лет, а дождей, – поправило её Облако. – Миллион семьсот тысяч шестьдесят три дождя.

– Дождя? – удивилась Лоскутик. – Что это… дождь?

– Не знаешь? – в свою очередь удивилось Облако. – Самое лучшее, а не знаешь. Это когда с неба течёт вода.

– С неба?!

– Ну да.

– Просто так? Не за деньги? – недоверчиво спросила Лоскутик.

– Ага.

– Так не бывает.

– Ещё как бывает. Когда мне исполнилось сто дождей, ого какой бабка устроила мне ливень! Проснулось, а под подушкой что, думаешь? Молния. Это мне бабка подарила.

Каждое облако больше всего мечтает, чтоб ему молнию подарили. А моя бабка – старая Грозовая Туча.

– Грозовая Туча? Ливень? – Лоскутик уже устала удивляться.

– Грозовая Туча – это большое облако, с громом и молниями. Ого! Огреет – не обра-дуешься. Весь день будешь летать с рыжими синяками. А ливень – это большущий дождь и непременно чтоб пузыри по лужам.

– Пузыри по лужам… – зажмурилась Лоскутик.

– Прыгают… – Облако даже проглотило слону.

– У нас так не бывает, – печально сказала Лоскутик.

– Раньше бывало. Какая у вас река была! Добрая, ласковая. Текла через весь город. А ручьи? Славные ребята. Только ничего по секрету им не скажешь. Всё разболтают. А какое болото у вас было! Умное. Всё о чём-то думало. Бывало, всё вздыхает, вздыхает по ночам…

– А куда же всё подевалось?

– Не знаю. И никто не знает. Даже моя бабка, Грозовая Туча, и та только руками разводит. Говорит: «Ничего не понимаю!» Представляешь: река вдруг пересохла ни с того ни с сего. Ручьи пропали. От болота не осталось и мокрого места. Теперь у вас что? Пустыня.

– А королевские сады?

– Так пока туда долетишь, – испаришься. А думаешь, это приятно – испаряться? Нет, теперь в ваше королевство не заманишь ни одно порядочное облако.

– А ты?

– Я – другое дело. – Облако придинулось к Лоскутику: – В королевском саду живёт мой друг – старая жаба Розитта. Ты бы видела, какая красавица! А уж умница!

– Твой друг… – тихо повторила Лоскутик.

– Думаешь, бабка мне разрешила сюда лететь? Как же! Разгремелась вовсю: «И не думай! Там небо как сковородка. Ты что – облако или отбивная?» А я взяло да улетело поти-хоньку. Мне так хотелось повидать жабу Розитту… – Глаза Облака почему-то наполнились слезами. – Я старалось не глядеть на мёртвые деревья…

Облако закрыло лицо ладошками. Слезы выдавились между пальцев. Тук-тук-тук! Забарабанили по подоконнику.

– Я напоило семьдесят пять бездомных собак. Двадцать восемь котов и кошек. – Облако плакало всё сильней.

Со стоном раскачивалось. Даже с острых косичек закапали слезы. Оно всё как-то съё-жилось, побледнело. – Напоило старую козу, четырёх ворон и кар… кар… кар… картофель-ное поле… Я выплакало из себя всю воду. Во мне не осталось ни капли…

– Капает! Капает! Капает! – раздался снизу истощный вопль лавочницы.

Только тут Лоскутик заметила, что дырявый, рассохшийся пол чердака весь залит водой.

Две пары ног бешено затопали вверх по лестнице. Бедные старые ступеньки, каждая на свой голос, захахали и застонали.

– Это девчонка! Её надо пс-с!.. Фс-с!.. Кс-с!.. – давилась от злобы лавочница.

– Я её хр-р!.. Вж-ж!.. Пшиш!.. – хрипел Мельхиор.

– Улетай! – отчаянно прошептала Лоскутик, пятясь от двери. – Скорей улетай!

Дверь распахнулась. Лавочник и лавочница застягли в узких дверях.

Луна осветила их. Чёрные рты, руки с хищно растопыренными пальцами.

В конце концов лавочница потеснилась назад, и Мельхиор влетел на чердак. Он сделал несколько яростных шагов к Лоскутику и вдруг замер на месте.

– А-а! – в ужасе завопил он, приседая, сгибая колени.

Он глядел не на Лоскутика. Куда-то мимо неё.

Лоскутик невольно оглянулась.

На подоконнике скромно и благовоспитанно, не обращая ни на кого внимания, сидел великолепный белый лев. Он наклонил голову и белым языком аккуратно вылизывал тяжёлую лапу. Ночной ветерок осторожно играл его густой гривой. Лев лениво зевнул, месяц посеребрил кривые клыки. Небольшая молния вылетела из его пасти и стрельнула в пустое ведро.

Худые коленки лавочницы застучали одна о другую, как деревянные ложки.

Лавочник и лавочница ринулись к двери.

Затрещала несчастная лестница, бухнула внизу дверь, заскрежетал засов, и всё стихло.

Лев на окне глубоко вздохнул.

– Я так и знал, что всё кончится очень плохо, – задумчиво сказал он, глядя в окно на месяц. – Но я этого не хотел. Это всё потому, что люди устроены иначе, чем мы, облака. Вам почему-то обязательно надо, чтобы была крыша над головой. А если крыша дырявая и

сквозь неё видны звёзды, вы не успокоитесь, пока не заделаете все дыры до одной... – Лев грустно опустил голову. – А теперь у тебя нет крыши над головой. Твои хозяева сживают тебя со свету. Они начнут тебя поджаривать, устроят тебе хорошен्�кую пустыню... Ты можешь тихо спуститься по лестнице?

Лоскутик кивнула.

– Я вылечу в окно, – сказал лев, – и буду ждать тебя за углом.

Глава 4 Барбацуца

В этот вечер в королевской кухне царила небывалая, невообразимая суматоха. Без толку сновали поварята в белых колпаках больше их самих. От их колпаков по стенам метались тени, похожие на гигантские грибы.

В углу всхлипывали и сморкались в кружева пять придворных дам.

Главный повар, человек по натуре очень нервный, капал из склянки в рюмочку успокаительные капли.

— Когда я так нервничаю, у меня получаются очень нервные супы и взволнованные компоты, — жаловался он сам себе.

Маленький поварёнок толкнул его под локоть. Лекарство взлетело вверх из рюмки.

Главный повар хлопнул поварёнка по его огромному колпаку. Звук получился как от разорвавшейся хлопушки.

Оглушённый поварёнок, моргая, сел на пол.

На кухню один за другим вбегали слуги с золотыми блюдами. Они сообщали ужасные новости:

— Его величество швырнули пирожки прямо в бульон!

— Ничего подобного! Он вылил бульон прямо в блюдо с пирожками!

В довершение всего на кухню ввалилась снежная баба, если только на свете может быть снежная баба, от которой клубами валит горячий пар. Говоря попросту, это был слуга, весь, с головы до ног, облепленный манной кашей.

— Комочки... — сквозь манную кашу, забившую ему рот, еле выговорил слуга.

— Комочки?! — бледнея, повторил главный повар. — Как? Что? Не может быть!

— Я-то при чём? — всхлипнул слуга. С его растопыренных рук пластами съезжала манная каша и с приятным звуком шлёпалась на пол. — Я подал её. Его величество изволили даже улыбнуться...

– Улыбнуться?! Тебе?!

– Не мне, а каше. Они изволили отправить в рот одну ложку и вдруг как заворят: «Комочки!..» Потом они начали икать, стонать, плеваться, вопить и топтать ногами. А потом... – Снежная баба разверла руками, указывая на себя.

– Кто варил кашу?

Пять придворных дам засморкались ещё жалобней.

– Где Барбацуца?

– За ней послали девяносто семь голубей, карету, пятерых стражников верхом и капитана.

Вбежал перепуганный слуга:

– Его величество требуют манную кашу. Сейчас же!

Немедленно!

Вбежал ещё один слуга:

– Его величество стучат ложкой по столу!

Главный повар опёрся рукой о плиту и тут же завертелся волчком, хватаясь обожжёнными пальцами за мочку уха.

– Нельзя меня так нервировать! Мои соусы и подливки! Мои пирожные! Им передаётся мое настроение!

– Едут! Едут! – заверещал поварёнок, подскакивая около окна.

По мосту, изогнутому, как спина испуганной кошки, катила карета.

– Её любимую кастрюлю с помятым боком! Её старую поварёшку!

Через минуту двери распахнулись, и в кухню со скоростью летящего снаряда ворвалась Барбацуца.

Все как-то сразу стали пониже ростом, потому что у всех невольно подогнулись колени.

Барбацуца была тощая, длинная старуха. Один глаз у неё был закрыт чёрной повязкой, что делало её удивительно похожей на морского разбойника. В другом глазу полыхало поистине адское пламя, отчего она сразу становилась похожей на ведьму.

Остальное было не лучше. Длинный нос криво оседали разбитые очки с закинутой за одно ухо петлей из бечёвки.

Из-под чепца торчали пучки волос, напоминающие перья седой вороны.

Одета старуха была в старый домашний халат, на ногах стоптанные шлёпанцы.

– Лентяйки! Бездельницы! Белоручки!

Придворные дамы разом уткнулись носами в коленки.

Только мелко дрожали лопатки.

– Молоко! – рявкнула Барбацуца.

Она опрокинула кувшин с молоком над кастрюлей, щедро поливая молоком раскалённую плиту.

– Соль! Сахар! Крупу! – послышалось из клубов молочного пара.

Всё это Барбацуца тут же, не глядя, бухнула в кастрюлю.

– Дровишек!

Загудело пламя.

Барбацуца взгромоздилась на табуретку. В клубах белого пара мелькнули её локти, зелёные, как недозрелые бананы. Барбацуца повыше засучила рукава и старой поварёшкой принялась размешивать кашу.

Пузыри вздувались и оглушительно лопались, как будто в кастрюле началась война. Летела к потолку копоть и чёрными бабочками валилась в кашу.

– Готово, – прошамкала Барбацуца.

Двое слуг с благоговением наклонили кастрюлю. На золотое блюдо потекла манная каша: белая, пышная, как взбитые сливки.

Маленький поварёнок подцепил пальцем повисшую на кастрюле каплю, лизнул палец и зажмурился.

Слуга поднял блюдо над головой и вышел торжественным шагом.

– Дорогая Барбацуца! – растроганно сказал главный повар. – Вы знаете, манная каша – самое любимое блюдо нашего короля. А манная каша, которую варите вы, божественна, бесподобна. Вероятно, вы знаете секрет, как её варить.

– Надоело… – мрачно проворчала Барбацуца, глядя вниз и шевеля пальцами, вылезшими из драной туфли.

– Как – надоело? – изумился и испугался главный повар.

– Я тоже человек… Всю жизнь – манная каша. Без выходных. Надоело.

– Дорогая Барбацуца, я начинаю волноваться… – с дрожью в голосе сказал главный повар.

– А кто обещал мне помощниц?

– Но… – Главный повар беспомощно указал на придворных дам, уткнувшихся в носовые платки. Можно было подумать, что носовые платки просто приросли к их носам.

– Эти?! – взвизгнула Барбацуца. – Манную кашу надо хорошенко мешать, размешивать, перемешивать. Вот и весь секрет. А моя поварёшка, видите ли, слишком тяжела для их нежных ручек. Нет, клянусь последней коровой на этом свете, последней каплей молока, я возьму себе в помощницы первую попавшуюся нищенку, побиушку, оборвашку! Только не этих лентяек! Уф! Да тут задохнуться можно!..

Барбацуца по пояс высунулась из окна.

Над королевским садом в пустом небе висел месяц, острый и жёлтый.

Прямо под окном на дорожке, посыпанной мелким песком, сидела большущая жаба.

Она была похожа на старый потёртый кожаный кошель. Кожа складками сползала на короткие лапы. В лунном свете, как изумруды, сверкали её бородавки.

Вокруг неё чинно сидели шесть лягушат. Их молодые, туго натянутые шкурки блестели.

Старая жаба строго и задумчиво посмотрела на Барбацуцу глазом выпуклым, как стекло фонаря. В горле у неё забулькало.

«Или я выжила из ума и из меня пора насушить сухарей, – подумала Барбацуца, – или эта жаба всё понимает. Давно не видела такой умной физиономии...»

Жаба что-то скрипнула и уползла в шёлковую от росы траву. Лягушата – за ней.

Когда золочёная карета довезла Барбацуцу до её крепкого деревянного дома с голубятней на крыше, городские часы отбили полночь.

Барбацуца увидела около крыльца какую-то скорчившуюся фигуруку.

Она разглядела тощую девчонку в тряпье. В широко открытых глазах девчонки повис месяц.

А Лоскутик, потому что это была именно она, увидела страшную одноглазую старуху. На голове у старухи дыбом торчал чепец, твёрдый, как коробка из-под торта.

– Вам не нужна служанка? – чуть слышно прошептала Лоскутик.

– Ты бы лучше спросила, не нужна ли мне воровка? – закричала Барбацуца таким страшным голосом, что в окнах соседних домов зашатались огоньки свечей. Барбацуца вытащила Лоскутика из-под крыльца.

– Я не воровка! – вскрикнула Лоскутик, стараясь вырваться из цепких рук Барбацуцы.

– Ах, не воровка! – захохотала Барбацуца. – Шатаешься по ночам около чужого дома – раз! – Барбацуца загнула кривой тощий палец. – Глаза горят – два! – Барбацуца загнула второй палец. – Живот так и распевает песни от голода – три! Хочешь удрать – четыре! Чего же ешё? Ясно, воровка!

Барбацуца, держа Лоскутика за руку, втащила в дом.

Швырнула её на лавку. С грохотом придинула тяжёлый стол, так что он врезался Лоскутику в живот и припёр к стене.

Затем Барбацуца выхватила из печки целиком зажаренного гуся и шлётнула его на блюдо, стоящее перед Лоскутиком:

– Ешь!

Налила кружку воды, с маxу поставила на стол, расплескав половину:

– Пей!

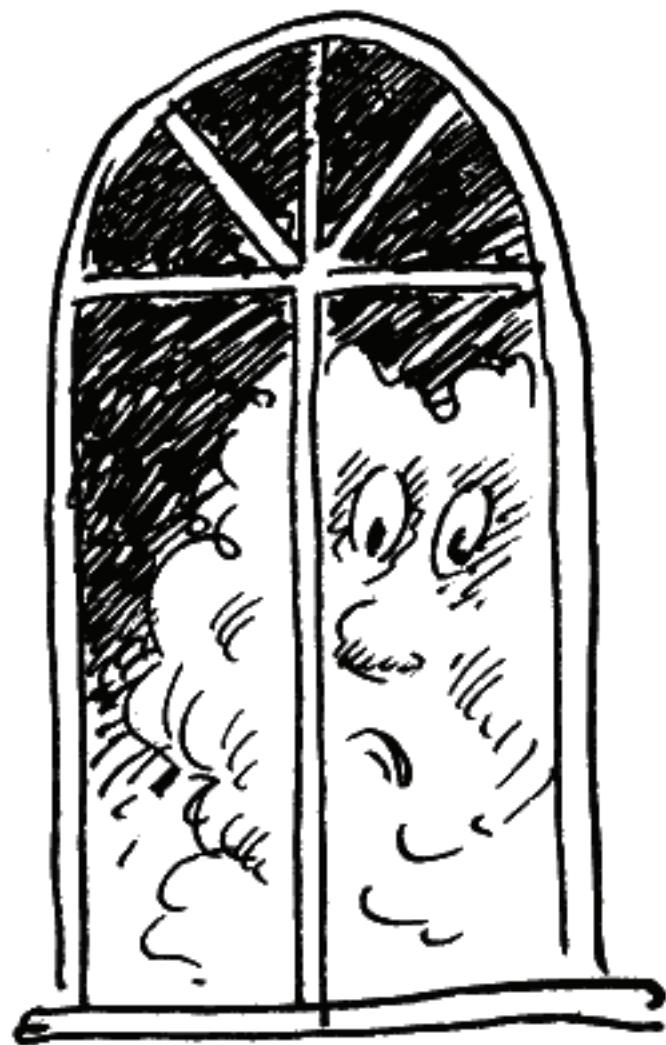
За окном раздался еле слышный вздох облегчения.

Барбацуца подскочила к окну.

Она увидела что-то белое и туманное, прилипшее к стеклу.

– Это ешё кто тут? – рявкнула Барбацуца. – А палки не хочешь?

Но белое и туманное поморгало выпуклыми глазищами, тихо отлетело от окна и исчезло в темноте.

Глава 5 Жаба Розитта

Тебе, мой дорогой читатель, наверно, совершенно непонятно, как это Лоскутик в такой поздний час очутилась под крыльцом Барбацузы? И откуда она могла узнать, что Барбацуце нужна служанка?

Но наберись терпения, мой читатель! Мы с тобой немного забежали вперёд, и поэтому теперь нам надо вернуться немного назад.

Если ты помнишь, насмерть перепуганные лавочник и лавочница убежали с чердака. После этого Облако спросило Лоскутика, может ли она тихонько спуститься по лестнице. А само вылетело в окно.

Так вот что было дальше.

Лоскутик на цыпочках неслышно спустилась вниз.

Впрочем, она могла бы топать, как слон, и танцевать дикий танец на каждой ступеньке. Лавочник и лавочница, заперев дверь на все замки и засовы, залезли под кровать и так тряслись от страха, что подушки и одеяла решили, что началось землетрясение.

Итак, Лоскутик благополучно вышла из дома. За углом она увидела белого льва. Лунный луч проходил через Облако, и в животе у него плясали мелкие капли воды.

– А вещи, пожитки? – спросило Облако.

– Нету. – Лоскутик с виноватым видом развела руками.

– Хорошо, – одобрительно сказало Облако. – И у меня никаких вещей. Не понимаю я людей! Отправляются в путь – тащат на себе какие-то узлы, сундуки. Плетутся, уткнувшись носом в землю, ничего не видят кругом... Путешествовать надо налегке. – Облако мягко подпрыгнуло. – Ты знаешь, как пройти к королевским садам?

– Кто же этого не знает?

Они пошли по дороге.

Белый лев шёл медленно. Пожалуй, четырёх лап для него было слишком много. Непослушные белые лапы то и дело обматывались одна вокруг другой, иногда даже завязывались узлом.

— Я, пожалуй, полечу. Ходок я не из лучших.

Облако упруго, как на пружинах, подпрыгнуло и поплыло рядом с Лоскутиком.

— Я бы сейчас выпило полфонтанчика, — мечтательно вздохнуло Облако. — А почему тебя зовут Лоскутик? Глупое имя.

— За моё платье, — тихо сказала Лоскутик, не глядя на Облако. — Я собираю лоскутья и подшиваю их к подолу и рукавам. Я же не виновата, что мои руки и ноги почему-то всё время растут.

— А о чём думают твои пapa и мама, которых всегда полно у вас, у людей?

— Они давно умерли. Я их даже не помню.

— Но маленькие люди не живут одни. С кем ты жила?

— Не «с кем», а «у кого», — сказала Лоскутик. — Я жила у чужих людей. Когда я была совсем маленькая и умела только ползать по полу, меня взяла к себе торговка пуховыми перинами. Она набивала пухом перины и подушки.

Пух летел во все стороны, а я ползала по полу и собирала его. Когда я немного подросла и уже научилась ходить, меня взял к себе богатый мельник. Весь дом у него был засыпан мучной пылью. Я вытирала пыль с утра до ночи. Когда я ещё подросла, я попала к торговке жареной печёнкой. Целые дни я тёрла песком жирные сковородки. Но торговка выгнала меня. Она сказала, что я стащила кусок печёнки. А на самом деле печёнку украл её сынишка — обманщик и обжора. Тогда меня взял к себе жадный трактирщик. Я прислуживала его гостям и носила тяжёлые кружки с вином. Но однажды я уронила кружку и разбила. И тогда трактирщик...

— О!.. О!.. — услыхала Лоскутик позади себя.

Она оглянулась.

Облако сидело в пыли, прямо на дороге, маленькое, сморщенное, и обливалось слезами.

— Я так и знала, что всё кончится очень плохо, — тряслось оно в лунном свете. — Зачем, зачем ты мне это рассказала? Чтобы я выплакало из себя последнюю воду? Да?

Лоскутик осторожно, обеими руками подняла Облако.

Оно было легче перышка. Ещё дёргая носом и горько всхлипывая, Облако обмоталось вокруг её шеи. У Лоскутика по спине, между лопатками, потекли струйки воды.

Теперь Лоскутик шла медленно, часто спотыкаясь. Она плохо видела. Облако наполнило ей на глаза.

Что-то стучало возле её левого уха.

«Его сердце...» — подумала Лоскутик.

Они прошли через площадь Однокой Коровы. Было тихо. Только в лавке Великого Часовщика в тakt мелодично тикали все часы — большие и маленькие, чтобы убаюкать старого мастера.

Чем ближе они подходили к королевскому парку, тем выше становились дома по обе стороны улицы.

Дома были с балконами, башенками и флюгерами.

В некоторых окнах даже виднелись горшки с цветами.

Это были дома богачей.

В этом городе так и определяли богатство: сколько горшков с цветами стояло на окнах.

В этом городе говорили:

«Вы слышали, моя дочь выходит замуж за очень богатого человека... Вот счастье привалило! Вы только подумайте, у него семь горшков с цветами!»

«Главный тюремщик всё богатеет, у него уже одиннадцать горшков с розами!»

«Этот чудак, старый мастер зонтиков, вконец разорился. Вчера у него завяла последняя маргаритка. Бедняга, ему не на что было купить воды, чтобы её полить...»

Наконец улица кончилась. Лоскутик вышла на дворцовую площадь.

– Ох, пыли наглоталось... – простонало Облако. – Не могу больше. В горле так и жжёт. Ну, скоро королевские сады?

– Мы уже пришли. Вот они, – тихо сказала Лоскутик. – Смотри. Там всё другое. Как в сказке.

За тяжёлой чугунной оградой стеной стояли деревья, серебряные с одного бока. Из травы поднимались цветы.

Как живые, в лунном свете шевелились фонтаны.

Облако, скользнув по шее Лоскутика, перевалило через ограду и, пригнув струи воды, нырнуло в ближайший фонтан.

Послышалось бульканье, как будто на дно фонтана опустили огромную пустую бутылку.

Потом Облако, большое, пышное, выкатилось из воды и развалилось на росистой траве, с наслаждением поворачиваясь с боку на бок.

– Иди сюда, Лоскутик! – позвало оно разнеженным голосом.

– Ты же знаешь! – Лоскутик попятилась от ограды. – Бульдоги! Сад сторожат бульдоги!

– Подумаешь, буль-буль-бульдоги! – беспечно пробормотало Облако.

Через газон, задними ногами откидывая росу, мчались десять раскормленных квадратных бульдогов.

Облако дёрнуло себя за ухо и взлетело на ветку. Село прямо на птицу. Птица залилась ещё слаше, раздувая горло, хотя и очутилась прямо в животе Облака. Облако вытащило откуда-то носовой платок, встряхнуло за один угол и отпустило. Белый носовой платок, покачиваясь туда-сюда, поплыл в темноту.

Бульдоги между тем сунули слюнявые морды между прутьев решётки и жадно зарычали, разглядывая Лоскутика.

– Мяу-у! – раздался сахарный тонкий голосок.

От этого «мяу» бульдоги разом вздрогнули, выдернули морды, застрявшие между прутьями, и резко отскочили назад. Лоскутик увидела десять хвостов-обрубков, дрожащих мельчайшей злобной дрожью.

На круглом газоне стояла пушистая белоснежная кошка, изогнув упругую спинку. Одну лапу, как и подобает уважающей себя кошке, брезгливо подняла, стряхивая каплю росы.

Облако, сидевшее на ветке, одобрительно посмотрело на кошку.

– Мяу-у-у! – ещё слаше пропела кошка и исчезла в тени.

Бульдоги, хрюкнув от такого невиданного оскорбления, бросились за ней.

– Это мой носовой платок! – вздохнуло Облако. – Такой талантливый! Ну, теперь иди сюда.

Лоскутик с опаской протиснулась между прутьями ограды.

– Не бойся, не бойся… – Облако повело её в глубь сада.

На каменной скамье, около широкой вазы, полной тёмной воды, сидела большущая жаба. От старости тяжело дыша, выпучив глаза, глядящие в разные стороны.

– Жаба Розитта! – вскрикнуло Облако и навалилось на жабу.

Жаба Розитта растроганно моргала.

Облако обнимало жабу, целовало между глаз.

Потом уселось рядом. Жаба Розитта закашляла, заскрипела, как старое дерево:

– Кхи… Кри… Ква… Крр… Кви… Фрр… Хрр… Кхх… Ква…

– Вот оно что! Ну и дела! – тихо ахало Облако, слушая жабу Розитту. – Ну и король! Что надумал! Присвоить себе воду. Самое нужное, самое лучшее, самое красивое…

Лоскутик с удивлением смотрела на Облако. Оно раздалось вширь, стало круглым. Рот растянулся до ушей. Глаза выпучились и разъехались в разные стороны. Облако стало похоже на жабу Розитту.

В траве тайно переквакивались лягушата. Прыгали прямо через лапы Облака.

В каменной вазе в воде висели головастики. Таращили чёрные глазки с булавочную головкой.

Жаба Розитта строго постучала по вазе – головастики тут же гвоздиками попадали вниз.

– Я так и знало, что всё кончится очень плохо… – грустно сказало Облако. – Всё-таки у человека была крыша над головой. Хоть какая-то, а была. Что теперь делать, посоветуй, жаба Розитта?

Жаба Розитта внимательно оглядела Лоскутика выпуклым глазом, мигнула. Лоскутик от смущения опустила голову.

Жаба Розитта что-то сипло забормотала, закашляла.

– Пожалуй, это мысль, – задумчиво сказало Облако и повернулось к Лоскутику: – Тут одна повариха ищет себе служанку. Нужно только, чтобы ты первая попалась ей на глаза.

Глава 6 День рождения

Лоскутик сидела, прислонившись спиной к шести пышным подушкам. Колени её укрывали три пуховых одеяла. На животе стояло блюдо со сладкими пирожками. А рядом на скамеечке торт, в котором, потрескивая, горели десять свечек.

Лоскутику было жарко и душно. Она без всякого удовольствия надкусила восьмой пирожок и стала облизывать липкие пальцы.

Уже две недели она жила у Барбацузы.

Каждое утро Барбацуза ощупывала Лоскутика: тискала руки и ноги, мяла бока, тыкала пальцем в живот.

— Почему не толстеешь? — рычала Барбацуза. — Где румяные щёки, пухлые ручки, растопыренные пальчики и хоть тоненький слоёк жирка? Мне нужна служанка, а не щепка. Ты утопишь в кастрюле мою поварёшку. Разве я могу доверить мою поварёшку веретену, зубочистке, вязальной спице?

Лоскутик старалась есть побольше, но только худела с каждым днём.

Дело в том, что за всё это время Облако ни разу к ней не прилетало.

«Неужели оно забыло про меня, улетело навсегда и я его больше никогда не увижу? Теперь у него есть жаба Розитта. Наверно, я ему больше не нужна».

Вот от этих-то мыслей она и худела.

— Любопытно было бы узнать, сколько лет такому заморышу? — спросила однажды утром Барбацуза, заставив Лоскутика съесть целую сковородку котлет.

— Не знаю, — испуганно мигнула Лоскутик.

— Как это «не знаю»? Когда твой день рождения?

– Не знаю… Кажется, его у меня нет.

– Как это «нет»? – пришла в ярость Барбацуца. – Если у тебя нет дня рождения, выходит, ты не родилась. Тогда тебя вообще нет. Думаешь, я соглашусь платить жалованье служанке, которой нет. Ловко устроилась, ничего не скажешь. Нет, моя милая, меня не проведёшь. Хочешь ты или нет, у тебя будет день рождения. Сегодня же! Сейчас же!

Барбацуца, тяжело дыша, замолчала, задумалась.

– Как лучше всего такой лентяйке отпраздновать день рождения? Ясно! Ничего не делать, валяться в постели и лопатать сладости!

Вот так Лоскутик и очутилась в постели под тремя одеялами, с блюдом сладких пирожков на животе.

А Барбацуца, ругаясь на чём свет стоит, полезла на голубятню задать голубям корму.

Лоскутик с тоской надкусила одиннадцатый пирожок и вдруг поперхнулась и закашлялась.

В окно влетело Облако.

Лоскутик даже не сразу его узнала.

На этот раз Облако было похоже на большущего белого филина с двумя широкими крыльями. Несколько белых перьев, кружась, упали на пол, пока Облако протискивалось в слишком узкое для него окошко.

Облако уселось на спинку кровати, задумчиво наклонило голову набок, помигало круглыми глазами.

Лоскутик кашляла и смеялась от радости – всё вместе.

– Надо бы постучать тебя по спине, так, кажется, делаете вы, люди, в таких случаях, – озабоченно сказало Облако. – Но если я постучу, ты даже не почувствуешь.

– Ой, это ты! Здравствуй, – еле отдохнувшись, сказала Лоскутик. – Как я рада!

Облако подлетело к Лоскутику. Все десять свечей по-мышиному пискнули и погасли.

– Какая гадость! – сердито воскликнуло Облако, мягко взмахивая крыльями и прыгая на одной лапе. – Я чуть не закипело.

– Больно? Очень больно? – испугалась Лоскутик.

– Ничего. Одна лапа будет покороче, и всё, – махнуло крылом Облако.

– Ты летало к филину, – догадалась Лоскутик.

– Откуда знаешь?

– По тебе видно.

– Правда. – Облако оглядело себя, вздохнуло. – Болтало с ним до утра. Не могу долго быть одним и тем же.

Мне всё время хочется меняться, превращаться. Удивляюсь на людей: как это им не надоедает всегда быть одинаковыми! Скукотища. Я бы на твоём месте каждый день в кого-нибудь превращалось.

Но Лоскутик только молча вздохнула.

Облако взбралось Лоскутику на одеяло.

– Почему так долго не прилетало? – жалобно спросила Лоскутик.

– Дело было, – солидно сказало Облако. Оно наползло на Лоскутика, зашептала ей в ухо, мелко брызгая холодными каплями. – Жаба Розитта открыла мне ого какую тайну! Когда она мне это рассказала, я сделало себе сто ушей и слушало сразу всеми. Вот что: каждую ночь, когда дворцовые часы пробьют три раза, ручьи в королевском парке начинают бурлить, пруды выходят из берегов, фонтаны бьют до самого неба. Но почему это? Откуда эта вода? Никто, никто не знает. Я расспросило летучих мышей. Жаба Розитта лазила под землю к кротам. Во всём парке не сыщешь ни одного дождевого червя, с которым бы я это не обсудило. Но никто ничего не знает. Даже Ночной Философ…

Послыпалось шарканье ног по ступенькам лестницы и злобное бормотание. Облако неловко полезло под кровать.

В комнатушку ворвалась Барбацуца.

– Почему всё не съела? Свечки почему потушила? Одеяло почему мокрое?

Лоскутик увидела на полу два белых перышка и кончик крыла, торчащий из-под кровати, да вся так и вспотела от страха.

Барбацуца посмотрела на Лоскутика и удовлетворённо хмыкнула.

Дёрнула за косу и пошла из комнаты. С порога обернулась и запустила прямо в Лоскутику серебряной монетой.

– Завтра купиши себе новое платье. Мне надоели твои лохмотья.

– У, кипяток, утюг горячий, сковородка! – пробормотало Облако, когда Барбацуца хлопнула дверью.

Облако вылезло из-под постели. Теперь оно было вытянуто в длину, болталось в воздухе, как полотенце. На голове – чепец, нелепо торчащий дыбом, на носу – мутные белые очки.

– А собственно говоря, чего ты лежишь в постели? – осведомилось Облако.

– Оказывается, у меня сегодня день рождения, – объяснила Лоскутик.

– День рождения. Это хорошо, – задумчиво сказало Облако. – Хотя всё ещё может кончиться очень плохо. Но опять-таки это не значит, что надо лежать в постели. Терпеть не могу жаркие подушки и одеяла. Ну-ка давай вставай!

– Убьёт, – печально сказала Лоскутик.

– Гм... Может, она уйдёт куда-нибудь?

– Уйдёт... Как же... Она уходит, только когда за ней посылают голубей. Голуби сидят во дворце в клетках. Когда король хочет манной каши, их выпускают и они летят к Барбацуце на голубятню. Вот она и уходит.

– Голуби? – печально повторило Облако. – Так ты говоришь – голуби?

К изумлению Лоскутика, Облако не спеша стянуло со своей головы чепец и хладнокровно разорвало его пополам.

Из половинок чепца получилось два вполне приличных белых голубя.

Один сел на железную спинку кровати и стал чистить пёрышки. Другой даже попробовал клевать крошки торта.

Облако развязало тесёмки передника, разорвало его на куски. Из передника вышло ещё семь отличных голубей.

Большой белый голубь, выгнув грудь, воркуя, стал ходить за белой голубкой.

Облако скинуло с ног тапки – с пола взлетели ещё два голубя.

– Не скажешь, что это курицы, верно? – спросило Облако.

– Не скажешь! – с восторгом согласилась Лоскутик.

– Кыш! Кыш! – замахало длинными руками Облако.

Голуби, беззвучно махая крыльями, вылетели в окно и закружились над крышей.

– Проклятье! – взревела со двора Барбацуца. – Опять! Опять подавай ему манную кашу! Ведь только утром сварила целый котёл. И даже карету за мной не прислали! Ну погоди, главный повар, я пропишу тебе капельки!

– Ушла! – через минуту возвестило Облако. – Вылезай из постели, хватит. Теперь мы будем праздновать день рождения по-облачному.

Глава 7

Двенадцать белых покупателей в лавке Мельхиора

– Да, а где же монета? – вспомнила Лоскутик. – Кажется, она закатилась – под кровать. Я слышала, как она звякнула.

Лоскутик слазила под кровать, разыскала монету. Подкинула её на ладони:

– Подумать только! За одну такую кругляшку можно купить целое платье.

– Купить… – Облако с обидой посмотрело на неё, печально покачало головой. – Ни одно облако ещё никогда ничего не покупало. Все люди вечно что-то продают, покупают. А мы – никогда. Знаешь, как обидно! Так хочется хоть разок быть покупателем. А ведь мне тоже надо кое-что купить. Очень-очень надо.

– Нет, я куплю платье, – испугалась Лоскутик.

– Жадничаешь? – Облако нахмурилось и немного приподнялось над полом. В животе у него сердито заворчал гром. – С жадинами не дружу!

– Что ты, бери, я так, – поспешно сказала Лоскутик.

Облако мягко, большими скачками запрыгало по комнате, дрожа, как желе. Захлопало в ладоши. Очки сползли на самый кончик носа.

– Я куплю краски. Коробку красок. Я буду первое Облако-покупатель!

– Может быть, ты в кого-нибудь другого превратишься? – жалобно попросила Лоскутик. – Хотя я знаю, что ты – это не Барбацуца, всё равно мне как-то не по себе…

– Превратиться? С превеликим удовольствием, – охотно согласилось Облако.

Оно дёрнуло себя за ухо и взлетело к потолку. Разделилось на части. С потолка мягкко спустилось одиннадцать белых кудрявых пуделей и одна дворняжка. У дворняжки было только одно ухо – видимо, на второе ухо Облака просто не хватило.

– В путь! – весело тявкнула дворняжка. Наверно, она была из них самая главная. – Мы пойдём в лавку к Мельхиору. Я что-то по нему соскучилась.

– Ни за что! – замахала руками Лоскутик.

– С трусами не дружу! – обиженно тявкнула дворняжка, и все двенадцать собак, семеня лапами, взлетели в воздух. – И вообще, что я ни скажу, ты всё: «Нет! Нет!»

Лоскутик не посмела больше спорить.

Они вышли на улицу.

Однадцать пуделей и дворняжка резво бежали по улице, деловито обнюхивая тумбы и заборы. Лоскутик с убитым видом плелась за ними.

Прохожие останавливались, оборачивались, долго смотрели им вслед.

Чем ближе подходили они к лавке Мельхиора, тем хуже становилось Лоскутику.

Сначала у неё разболелась голова, потом стало стрелять в ухо. Она семь раз чихнула, а нижняя челюсть начала отплясывать такой танец, что Лоскутику пришлось ухватиться за щёку рукой.

— Зубы болят? — с сочувствием спросила дворняжка. — Однажды у меня тоже вот так разболелись зубы. Ноют и ноют. Просто лететь не могу. Что делать? Но я не растерялась. Тут же превратилась в лодку с парусом. А как известно, у лодки с парусом нет зубов. А раз нет зубов, то и болеть нечему. Жаль, что ты никак не можешь превратиться в лодку с парусом...

Но Лоскутик не слушала болтовню дворняжки.

В конце улицы показалась лавка Мельхиора. Тут одна нога у Лоскутика почему-то перестала сгибаться, и Лоскутик принялась отчаянно хромать.

Потом у неё так скрючило руку, что она просто не могла её поднять, чтобы толкнуть дверь в лавку.

Но делать было нечего. Двенадцать собак стояли рядышком и влажно дышали ей на голые ноги.

Колокольчик над дверью беспечно и радостно пропел короткую песенку, ведь ему было всё равно, кто открывает дверь.

Лоскутик ещё надеялась, что в лавке никого не будет.

Но ей не повезло. На её несчастье, Мельхиор и его жена были в лавке.

Они так и остолбенели, когда Лоскутик вошла в дверь.

Они были удивительно похожи на кота и кошку, которые застыли на месте, увидев, что наивный мышонок сам идёт к ним в лапы.

— Пожалуйста, коробочку кра... — начала Лоскутик и даже не смогла договорить.

Лоскутик выронила серебряную монету. Монета покатилась по прилавку, делая круг. Лавочница быстро накрыла её ладонью, как бабочку или кузнецика.

В ту же секунду Мельхиор крепко схватил Лоскутику за руку.

Лоскутик завертелась, стараясь вырваться.

Если бы она могла оставить Мельхиору руку, как ящерица оставляет свой хвост, она бы это непременно сделала, даже если бы у неё не было никакой надежды отрастить себе новую.

Она дёргалась изо всех сил, но Мельхиор держал её крепко.

— Пустите! — закричала Лоскутик.

— Какая наглость... — прошипела лавочница.

— Жена, принеси плётку. Она висит за дверью, — ухмыльнулся Мельхиор.

Но лавочница не успела сделать и двух шагов.

В эту минуту в лавку не спеша, одна за другой, вошли двенадцать белых собак.

В тёмной лавке как-то сразу посветлело от их белоснежной шерсти.

— Здравствуйте, — небрежно кивнула хозяевам дворняжка, даже не взглянув на Лоскутику.

Собаки принялись внимательно разглядывать товары, выставленные на полках.

— Не купить ли нам дюжину чашек? — спросил белый пудель с пушистой кисточкой на хвосте.

— Или ножницы — подстригать шерсть?

— Может быть, сотню булавок?

- Ах да! Не забыть бы щётки и расчёски! В прошлый раз мы забыли их купить.
Нет, собакам положительно нравилось разыгрывать из себя солидных покупателей.
- Впрочем, все чашки в этой лавчонке битые, — высоко подпрыгнув, презрительно тявкнула дворняжка.
- А ножницы — тупые! — подхватил пудель с кисточкой на хвосте, взлетая к самой верхней полке.
- Булавки гнутые!
- Что за дрянная лавчонка! Все расчёски без зубьев!
- Двенадцать собак подошли поближе и оскалили белые зубы.

Зубы были такие белые, как будто все собаки аккуратно чистили их зубным порошком утром и на ночь, не пропуская ни одного дня.

— А, вспомнила, — тявкнула дворняжка, — нам нужны краски!

— Краски! — зарычали разом все собаки, поставив двадцать четыре белые лапы на прилавок.

Лавочница тут же упала в обморок.

Лавочник выпустил руку Лоскутика и, весь дрожа, покорно полез на полку, посыпая упавшую жену чашками, блюдцами, булавками, расчёсками и ножницами.

Он положил на прилавок коробку с красками. Было ясно, что сейчас он безропотно отдаст все товары, до последней иголки.

Надо признаться, что Лоскутик не стала особенно задерживаться в лавке. Голова, руки и ноги у неё почему-то перестали болеть, чихать она тоже перестала, и, схватив краски, Лоскутик вихрем вылетела на улицу.

Глава 8 День рождения по-облачному

– Теперь куда? – спросила Лоскутик.

– Увидишь, – тявкнула дворняжка.

Пробежав мимо кособоких домишек, державшихся только потому, что они никак не могли решить, на какую сторону им завалиться, собаки привели Лоскутика на сухое картофельное поле.

– Познакомься, – с достоинством сказала дворняжка. – Это мой друг. Бывшее картофельное поле.

Но Лоскутик с оторопелым видом только молча смотрела на сухие грядки.

– Ну кланяйся же, – сердито шепнула ей дворняжка, – скажи что-нибудь... Скажи, что рада познакомиться...

– Здравствуйте! – Лоскутик растерянно поклонилась картофельным грядкам. – Я очень рада...

Все собаки подбежали к дворняжке и, путая лапы и головы, стали сливаться вместе во что-то одно белое и непонятное, из чего постепенно вылепилась голова с двумя косицами и широким носом, толстый живот со связкой ключей на поясе, напоминающий живот Мельхиора, и кривые ноги с торчащими коленками – точь-в-точь ноги лавочницы.

– Ну, теперь огорчи меня чем-нибудь, – вздохнуло Облако, – мне сейчас надо как следует огорчиться.

– Огорчиться?! – удивилась Лоскутик.

– Ой какая ты скучная! – нетерпеливо воскликнуло Облако. – Ну конечно, огорчиться, а то как же? Тогда я заплачу и пойдёт дождь.

– Но я не хочу тебя огорчать! – взмолилась Лоскутик. – И мне не нужно этого... ну, твоего дождя. Я не знаю, какой он.

– Кончай болтать! – нетерпеливо громыхнуло Облако. – Давай огорчай!

– Но я не знаю, как, – растерялась Лоскутик.

– А всё равно. Ну хотя бы скажи: «Я тебя не люблю!»

– Я тебя не люблю... – послушно повторила Лоскутик.

— Что?! — Брови Облака поднялись и сошлись на лбу уголком. Облако моргнуло, слезы так и потекли из его глаз. — Я так и знал, что всё кончится очень плохо. Но я надеялось... Думало, мы на всю жизнь...

Облако взмыло кверху. Лоскутик попробовала удержать его за ноги, но ухватила только мокрую пустоту.

— Постой! — крикнула Лоскутик. — Ты же само сказали, чтобы я это сказала!

— А ты бы не говорила! — гулко всхлипнуло Облако, поднимаясь ещё выше.

— Имей совесть! Я же не знала, что ты огорчишься!

— Нет, знала. Я же тебе сказало... о... огорчай... — Голос у Облака стал похож на эхо, ветер нёс его куда-то мимо Лоскутика.

— Так я же понарошку сказала! Не по-правдашнему!

Но Облако уже не отвечало. Оно вытягивалось, таяло.

Оно больше не было похоже ни на Лоскутика, ни на Мельхиора, так — на кучу белых перьев, выпущенных из перины и не успевших разлететься в разные стороны.

Чтоб не видеть этого, Лоскутик закрыла лицо руками.

Она упала на сухую грядку и заплакала, кашляя от пыли.

— Что ты! Что ты! — послышался виноватый голос.

Лоскутика с головой накрыло что-то туманное, мокрое и тоже всхлипывающее.

— Фу! От сердца отлегло. А то, как ты сказала «не люблю», я чуть не испарились. Есть на свете слова, которые нельзя говорить даже понарошку. Наверно, это и есть как раз такие слова.

Облако высморкалось в свой талантливый носовой платок, глубоко вздохнуло и перестало всхлипывать.

— Как же мне теперь огорчиться?

Облако задумчиво огляделось кругом, подпёрло щёку ладошкой и вдруг жалостно заголосило:

— Бедные вы грядки картофельные! Сухие, разнесчастные! Ничего на вас не вырастет! Не будете никогда красивыми, зелёными!..

Оно наклонило голову, как бы прислушиваясь к себе: в нём что-то поплескивало, булькало, переливалось.

— Всё в порядке. Огорчилось, — деловито сказала Облако и, дёрнув себя за ухо, поднялась кверху.

Кап! Кап!.. На нос Лоскутику шлёпнулась тяжёлая капля. Вторая упала на лоб.

— Что это? — неуверенно спросила Лоскутик.

Кап! Кап! Кап!..

В воздухе повисли серебряные нити. Капли застучали по плечам, по лицу. Платье Лоскутика намокло. Лоскутик протянула руки, сложила ладошки ковшиком. Набрала воды.

— Спасибо тебе, Облако! — закричала Лоскутик, подняв кверху лицо. Вода полилась ей в рот. Лоскутик засмеялась от счастья.

Запахло мокрой землёй. Между грядками заблестели лужи.

По лужам запрыгали первые пузыри.

— Вода с неба!

— Не за деньги!

— Сюда!

— Скорей!

Через забор перемахнуло с десяток мальчишек. Они с визгом заскакали по лужам, ртами жадно ловя струи воды.

Кто-то схватил Лоскутика за руку. Она поглядела. Это был мальчишка, каких и не бывает на свете — весь чёрный: лицо, волосы, штаны, куртка.

На голове у него сидел голубь, тоже весь чёрный. Мальчишка прыгал, но голубь не слетал с головы и только бил крыльями и перебирал лапками, чтобы удержаться.

Мальчишка потянул Лоскутика за руку.

И Лоскутик, сама не зная как, завопила громче всех и тоже запрыгала по лужам.

– Это дождь! Не бойтесь! – крикнула она. – А на лужах такие круглые – это пузыри!

Лужи были разноцветные – красные, синие, фиолетовые: кто-то из мальчишек нечаянно раздавил ногой коробку красок, купленную в лавке Мельхиора. И по лужам прыгали разноцветные пузыри.

– Вот это день рождения по-нашему! – послышалось откуда-то сверху. – Мы зовём его дождь-рождение!

Глава 9 Белое кружевное платье

– Кто разрешил? Кто позволил? – послышался злобный голос.

Сквозь капли дождя Лоскутик разглядела капитана королевской стражи и двух солдат с пиками.

Они бежали по мокрому полю, с трудом выдирая из грязи тяжёлые сапоги.

– Кто разрешил дождь? Это государственное преступление! Прекратить! Немедленно прекратить! – задыхаясь, орал капитан королевской стражи.

– А может, это тебя прекратить? – загремело сверху.

И тотчас тяжёлые капли забарабанили по голове и плечам капитана королевской стражи. Он хотел что-то крикнуть, но струи дождя заткнули ему рот, залили глаза. Капитан втянул голову в плечи, согнулся, закрывая лицо руками.

Мокрые мальчишки с хохотом разбежались кто куда.

Лоскутик перескочила через забор.

– Лети сюда! Скорей! – крикнула она Облаку.

Облако перевалило через забор, полетело рядом.

– Держите вот это! Белое! Круглое! – закричал, отфыркиваясь, капитан королевской стражи.

Лоскутик и Облако свернули в переулок.

Облако стало совсем маленьким. Оно хрипло дышало.

Летело рывками, опускаясь всё ниже и ниже, почти волочилось по земле.

Сзади их нагонял топот подкованных железом сапог.

– Превращайся скорее! – крикнула Лоскутик Облаку. – Ну хоть в кого-нибудь!

– Так не могу, – простонало Облако, – мне надо подумать, сосредоточиться.

Топот приближался.

Лоскутик обернулась. Облако отстало шагов на десять.

Лоскутик бросилась к нему, подняла с земли.

Подбежала к забору, села на землю, дрожащими руками принялась мять Облако.

Вылепила маленькую головку с гребешком, пару прижатых к телу крыльев. Хвост вылепить не успела.

Из-за угла вынырнули капитан стражников и солдаты.

Лоскутик быстро накрыла Облако фартуком.

– Эй, оборвашка, что ты там прячешь под фартуком? – крикнул капитан королевской стражи.

Один из солдат кончиком пики приподнял край фартука.

– Это… это курица моей бабушки… – пролепетала Лоскутик.

– Хм… – пробормотал солдат, – странная курица…

– Если такова курица, то какова же сама бабушка? – покачал головой второй солдат.

– Хватит болтать! – прикрикнул на них капитан. – Отвечай, нищенка, не видела ли ты тут чего?

– А чего? – спросила Лоскутик, глупо моргая глазами.

– Ну, такого… – попробовал объяснить капитан, делая руками в воздухе какие-то непонятные круги. – Вот такого, понимаешь?

– Какого такого? – Лоскутик заморгала ещё чаще.

– Ну, этакого… – вконец сбился капитан.

– Какого этакого? – Лоскутик посмотрела на капитана, открыв рот.

– Э, да что с ней связываться! – махнул рукой капитан. – Глупа как пробка, ничего не понимает.

Капитан и солдаты протопали мимо.

Лоскутик перевела дух. Посмотрела на Облако. Облако лежало грустное, присмиревшее.

– Ты кто? – недоверчиво спросило Облако, глядя на Лоскутика туманным взглядом.

– Как это «кто»? – удивилась Лоскутик.

– А, помню, ты была такая зелёная, развесистая и росла на опушке… – пробормотало Облако.

– Да ты что? – уже с испугом сказала Лоскутик.

– Ага, ты ловила комаров на болоте…

– Да нет же!

– А… Ты говорила «тик-так!» и показывала время на городской башне.

– Какое время? Что с тобой?

– Я тебя не знаю, – печально сказало Облако. – Я всё забыло. Ну, я полетело! Пока.

– Постой! Я дала тебе напиться… – робко напомнила Лоскутик.

– Что-то такое было, – задумчиво протянуло Облако. – Напиться… напиться… Видишь ли, у меня в голове вода, а я её всю вылило. Я выплакало всю свою память. Всё, что помнило. Ну, прощай!

– Да подожди! – с отчаянием воскликнула Лоскутик. – Ещё у меня сегодня день рождения. А ты говорило: дождь-рождение.

– Да, да, припоминаю, что-то такое было… – Облако немного посветлело.

– А потом ты превратилось в двенадцать собак…

– Да, да, это я помню…

– И мы пошли…

– Стой! Молчи! Вспомнило! Мы пошли в лавку к Мельхиору…

– Да!

– Ты – Лоскутик!

— А, вот где ты! Попалась, голубушка!

По улице шла Барбацуца. Из её единственного глаза от ярости просто сыпались искры. Она только что побывала во дворце и узнала, что король вовсе не хочет манной каши, а главный повар и не думал посыпать за ней голубей.

Облако тут же свернулось клубком, шмыгнуло Лоскутику под локоть и там затаилось.

Барбацуца приближалась медленно, не спеша, и это было страшнее всего. Тень её упала на Лоскутика. Лоскутик прижалась спиной к забору.

— Где была? Признавайся, — спросила Барбацуца тихо и сипло.

— Платье покупала! — подсказало Облако, слабо шевельнувшись под мышкой.

— Платье покупала... — помертвев, повторила Лоскутик.

— Врёшь! Если ты покупала платье, то у тебя должно быть платье! Где оно? Покажи! Барбацуца занесла над головой Лоскутика сжатые кулаки.

Лоскутик невольно вытянула вперёд руки, чтобы защитить голову от удара, и вдруг на её руках, легко развернувшись, повисло белоснежное кружевное платье.

Ветер раздул кружевной подол, зашевелил банты и оборки.

Кружево было такое тонкое, что казалось, вот-вот растает на глазах.

Даю голову на отсечение, что ни одна принцесса на свете не отказалась бы от такого платья!

— Ты купила себе это платье? Нищенка! Кружевное? Замарашка! С бантиками? Побиушка! Белое? Самое непрактичное! — Барбацуца от возмущения с трудом находила слова.

Она уже протянула руки, чтобы схватить платье, но кто-то опередил её.

Её опередила маленькая жалкая дворняжка.

Что это была за ничтожная тварь!

Во-первых, у неё было всего лишь три ноги, да и то больше похожих на кривые паучьи лапки. Хвоста и ушей не было и в помине.

Она была так худа, что все рёбра, проткнув кожу, вылезли наружу. Но всё это не помешало собачонке быть очень проворной.

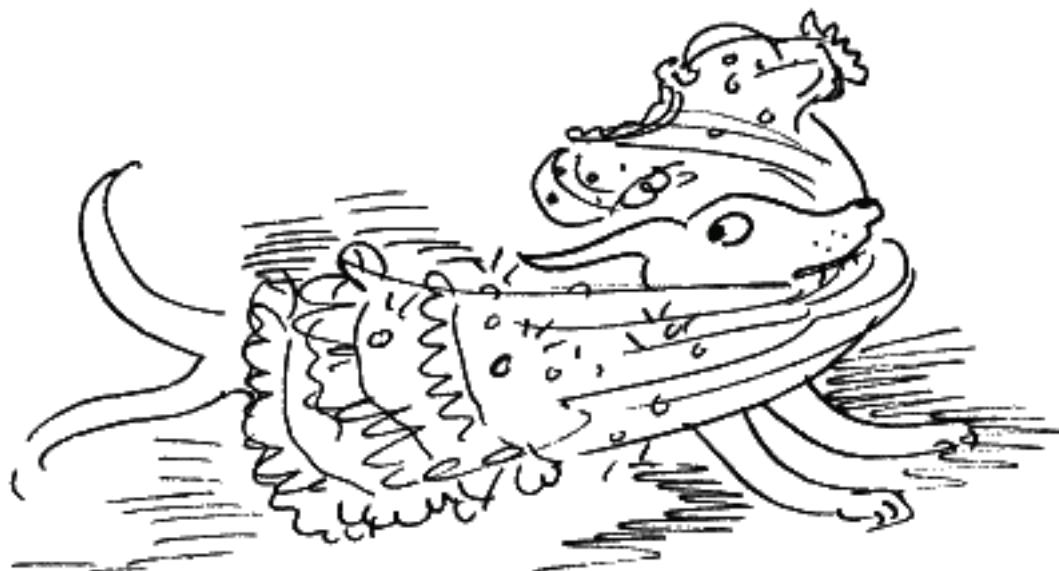
Она высоко подпрыгнула и ловко цапнула за подол прекрасное кружевное платье. Затем, часто перебирая своими тремя лапками, бросилась наутёк.

Кружевное платье волочилось по пыльной дороге.

— Ах, проклятая! — крикнула Барбацица и бросилась за мерзкой собачонкой.

Казалось, она вот-вот ухватит платье за рукав.

Но собачонка отчаянно тявкнула, поддала ходу, перемахнула через канаву, пролезла в щель под забором и скрылась.

Глава 10

Удивительное происшествие на закате

«Ни за что не проснусь, – подумал художник Вермильон и тут же понял, что больше он не заснёт. – Ну хорошо, пусть я не засну. Но уж глаза открыть меня никто не заставит».

Он знал, что он увидит. Битые стёкла на полу, сломанные рамы, разодранные в клочья портреты.

Прежде художник Вермильон жил припеваючи.

Придворные щёголи и богачи с утра до вечера толклись в его мастерской и охотно заказывали ему свои портреты.

Но шли годы, и художнику открывались глубокие тайны мастерства. Он научился смотреть на мир особым взглядом. Видеть красоту самых простых вещей: камня и грубого глиняного кувшина.

Сам того не желая, он стал рисовать людей такими, какие они были на самом деле, и совсем не такими, какими они хотели казаться.

Самое удивительное, что художник даже не думал об этом. Это получалось у него как-то само собой. Но трусы на его портретах были трусами, как бы они ни пыжились, стараясь изобразить себя смельчаками.

Льстецы – льстецами.

А обманщик, даже если ему удалось убедить всех, что честнее его не сыщешь человека во всём королевстве, всё равно на портрете выглядел обманщиком.

Надо ли говорить, в какую ярость приходили все эти люди, увидав свои портреты?

И всё-таки художник Вермильон ещё как-то сводил концы с концами.

Но вот наступил этот несчастный день, и всё рухнуло.

Теперь художник был окончательно разорён, а мастерская его разгромлена.

Как же это случилось, спросите вы меня?

Весь этот день неудачи преследовали художника.

С утра к нему заявился главный королевский пирожник и заказал свой портрет.

На вид пирожник был очень добрый и симпатичный.

У него были толстые, мягкие щёки и сладкая улыбка.

Но так как на самом деле он был человеком жадным и жестоким, то и на портрете он получился именно таким.

— Это клевета, а не портрет! — разозлился главный пирожник.

Он подтащил художника к большому зеркалу, висевшему на стене.

— Ах ты негодяй! Посмотри, какие у меня добродушные щёки, честный нос и славные, располагающие к себе уши! Посмотри, какой я славный парень! Этакий миляга и симпатяга! А ты меня каким изобразил? Это клевета, а не портрет!

Главный пирожник ушёл, хлопнув дверью, не заплатив художнику ни гроша.

А Вермильон, чувствуя себя очень усталым, решил немного прогуляться.

Он перешёл мост Бывшей Реки и вышел на площадь Забытых Фонтанов.

Солнце, похожее на докрасна раскалённую сковородку без ручки, уходило за сверкающие кровли дворца.

Художник глянул на него один раз и опустил голову.

«Как это печально и пусто — солнце на голом небе, — подумал он. — Закат делают прекрасным облака. Как жаль, что люди в нашем городе никогда не видели красивого заката. Наверно, поэтому они такие скучные и злые...»

Художник глянул на небо ещё раз и тихо ахнул.

Всё изменилось.

Над городом плыло облако. Казалось, небо запело.

Облако было всё кружевное и нежное. Луки солнца охватили его снизу, наполнили золотом.

«Оно похоже на лебедя или на корабль под парусами, — подумал художник. — Нет, больше всего оно похоже на кружевное платье. Да-да! На платье из тончайшего кружева. А вот из-за него выплыло ещё одно облако. Это похоже на какого-то зверька. Пожалуй, больше всего на трёхногую собачонку».

Художник оглянулся. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь ещё увидел это чудо.

Но как назло, на площади не было ни души.

В этот час все богатые люди уже ложились спать.

«Больше спиши — меньше пьёши!» — была их любимая поговорка.

Вдруг все жители окрестных домов разом вздрогнули, скатились с постелей, вскочили со стульев. В каждом доме что-нибудь упало или покатилось по полу.

Главный повар уронил склянку с успокоительными каплями на и без того совершиенно спокойный коврик около своей кровати.

«Бом! — вставайте! Бум! — очнитесь! Бам! — проснитесь!» — гудел большой колокол на колокольне.

«Бегом! Бегом! Бегом!» — вторили маленькие колокола.

Не трудно догадаться, что виновником всей этой суматохи был художник Вермильон. Он забрался на колокольню и поднял этот немыслимый трезвон.

На площади быстро собралась толпа.

Все улицы, идущие к площади, были усеяны ночными колпаками и домашними туфлями.

Люди спрашивали друг друга:

— Что случилось?

— Пожар?

— Землетрясение?

— Эй, почему ты звонишь во все колокола? — крикнул художнику начальник королевской стражи, который второпях выбежал из дома с подушкой в руках и теперь прижал её к животу.

— Посмотрите, какой закат! — закричал с колокольни художник. — Облако! Облако! Посмотрите, какое красивое облако! Да глядите же! Оно тает! Оно уплывает!

Начальник королевской стражи попросил главного тюремщика немного подержать его подушку, взобрался на колокольню и за шиворот стащил художника.

— Уж я-то знаю, что сделать с этим сумасшедшим! — прошипел главный тюремщик и звякнул большой связкой ключей.

— И я знаю! — воскликнул торговец крысиным ядом, встряхивая мешок со своим товаром.

— И я знаю! — прохрипел продавец пеньковых верёвок, проводя рукой вокруг своей длинной жилистой шеи.

А художник стоял молча, совершенно оглохший от звона колоколов, и тихо улыбался.

— Я уже давно понял, какой это негодяй! Ведь он нарочно изобразил меня трусом! — со злобой сказал начальник королевской стражи.

— А меня — обманщиком! — с оскорблённым видом добавил продавец лекарства от плохого настроения.

— А глядя на мой портрет, можно подумать, что я круглый невежда! — воскликнул воспитатель богатых детей, который на самом деле думал, что дважды два будет пять.

И все они толпой отправились в мастерскую к художнику. Они сломали его мольберт, в клочья разодрали его картины и рисунки.

«Нет, нет, ни за что не открою глаза», — снова подумал художник Вермильон.

Он крепко зажмурился, но почему-то перед его глазами появился кувшин. Глиняный запотевший кувшин, полный воды. От него так и потянуло холодком.

Художник застонал и замотал головой. Но проклятый кувшин и не думал исчезать. Он наклонился. Струя воды упала и разбилась о дно стакана.

Художник вцепился зубами в подушку.

Буль-буль-буль!.. — дразнил его кувшин.

«Всё ясно, — сам себе сказал художник, — я просто очень хочу пить. Вот и всё. Но когда мне теперь удастся напиться, совершенно неизвестно. Ведь в кармане у меня нет и ломаного гроша».

Он открыл глаза, приподнялся на локте и просто оцепенел от изумления.

Действительно, было чему изумиться.

Весь пол в мастерской был залит водой. В воде, тихо покачиваясь, плавали клочки рисунков. На одном клочке была половина носа торговца оружием, на другом — хитрый глаз продавца придворных калош, на третьем — ухо главного тюремщика.

Вода была повсюду, где только она могла быть: в чашках, в блюдцах, в ложке, в ведре, в тазу и даже в напёрстке, который забыла у него в мастерской его невеста, бедная портниха.

Но самое удивительное было не это.

В глубоком кресле, небрежно закинув одну ногу на другую, сидел он сам, художник Вермильон, собственной персоной.

Правда, он был совершенно белый, да к тому же ещё немногим прозрачный. Но всё же это был он, несомненно он! Художник узнал свои волосы, своё лицо, свою широкую блузу и даже свой задумчивый взгляд. Ошибиться было невозможно — это был он!

— Как вы понимаете, я пришёл к вам не просто так, а по важному делу, — устало сказал белый человек в кресле.

— Всё ясно, — сам себе, но довольно громко и внятно сказал художник Вермильон, — не нужно впадать в панику, не нужно лишних волнений. Всё просто, как дважды два: я сошёл с ума.

— Какая тоска, — вздохнул белый человек, поднимая глаза к потолку, — каждый раз начинать всё сначала. Объяснять, рассказывать, растолковывать. Не сомневаюсь: сейчас он меня спросит, кто я.

— Кто вы? — прошептал художник.

— Облако я. Ну просто Облако, — скучным голосом сказал белый человек.

— Дело окончательно проясняется, — снова сам себе сказал художник. — Отдых, витамины, никаких волнений, свежий воздух, и мне станет легче.

— Я так и знал! — уже с раздражением проговорил белый человек, ёрзая в кресле. — Насколько проще с детьми. Всему верят. Понимают с полуслова. Вот что! Потрудитесь-ка спуститься вниз. Там у дверей кое-кто стоит. В общем, обыкновенная девчонка. Когда-то я ей всё это уже объяснял, теперь пусть она всё объяснит вам. К тому же вы ей скорей поверите, чем мне.

Художник опрометью бросился вниз.

Поднимался он удивительно долго. Слышался то его голос, то голос Лоскутика. Потом раздался шум падения и стук, как будто кто-то щёлкал на огромных счётах, — это художник споткнулся посреди лестницы и полетел вниз.

Потом он снова начал своё восхождение вверх с первой ступеньки.

Когда он вошёл в мастерскую, вид у него был самый невероятный. На лбу вздулась шишка, волосы были всклокочены, но он улыбался счастливейшей улыбкой.

Он не спускал глаз с Облака и чуть не растянулся на полу, зацепившись за ножку стула. За ним робко вошла Лоскутик.

— Это такая честь для меня, — тихо сказал художник.

— Ну это ёщё ничего, — пробормотало Облако, — художники... для них ёщё возможно невозможное...

— Дорогое Облако, — сказал художник, — всё, что у меня есть, всё принадлежит вам!

— О нет, — остановило его Облако, — это уже слишком. Вы мне просто должны помочь в одном небольшом дельце. Прежде всего, не можете ли вы мне сказать: как одеваются богатые путешественники?

— Путешественники?.. К тому же богатые... — задумался художник. — Ну, тогда, конечно, башмаки с пряжками, камзол тонкого сукна, шляпа с перьями, потом непременно плащ... Да-да, именно так.

Облако слегка подпрыгнуло, и в тот же миг у него на ногах появились башмаки с огромными пряжками.

— Шляпа с перьями... — вздохнуло Облако и водрузило себе на голову неизвестно откуда взявшуюся широкополую шляпу с роскошными страусовыми перьями.

Полы кафтана у него оттопырились. На жилете одна за другой вскочили десять блестящих пуговиц.

Лоскутик смотрела на всё это довольно хладнокровно — она ёщё и не такое видала, — а художник чуть не задохнулся от изумления. Он только взмахивал руками и хватал воздух широко открытым ртом.

— Не добавить ли солидности? — задумчиво спросило Облако и вытянуло у себя из-под носа довольно длинные усы. — Может быть, ёщё немногого усталости? Нет, нет, я устаю только от сидения на одном месте.

Облако поглядело на себя в зеркало.

— Пожалуй, возраст не совсем тот, — сказало оно, — путешественник, который объездил все страны, не должен быть особенно юным.

Лицо Облака тут же прорезали глубокие морщины, нос выгнулся крючком.

— Потрясающе... — только и мог вымолвить художник.

— Да, неплохо, — согласилось Облако. — Но видите ли, тут есть одна небольшая, но существенная подробность. Ни один путешественник на свете не бывает совершенно белым.

— Так я могу вас раскра... — с азартом воскликнул художник, но не договорил, испугавшись, что Облако может обидеться.

– Именно об этом я и хотел вас попросить! – улыбнулся белый путешественник. – Дело в том, что у нас были краски, но они погибли.

Через несколько минут в мастерской закипела работа.

Никогда художник Вермильон не трудился с таким вдохновением. Он стонал, что-то бормотал сквозь зубы, умоляя Облако не шевелиться и хоть минутку постоять спокойно.

Тронув Облако кисточкой, он отскакивал назад и, наклонив голову, издали придиричivo глядел на свою работу.

Своими лучшими акварельными красками он осторожно раскрасил щёки Облака, сдевав их удивительно розовыми.

Затем, встав на колени, он покрыл башмаки Облака зелёной краской.

Высунув кончик языка, нарисовал на его чулках тонкие чёрные полоски.

Всю синюю краску, которая только у него была, он потратил на камзол Облака, а всю красную – на подкладку плаща.

Он выскреб все остатки золотой краски и покрасил его пуговицы на жилете и пряжки на башмаках.

– Никогда не видел никого, кто больше был бы похож на знатного и богатого путешественника! – сказал Вермильон, любуясь своей работой.

Облако с довольным видом поправило пышный шарф на шее. На его пальцах одно за другим появились кольца с крупными бриллиантами, сверкающими, как капли чистейшей воды.

– Самое главное для меня в данном случае – всё время держать себя в руках, – весело сказало Облако. – Вы понимаете, вода во мне не переставая циркулирует. И если я развол-нуюсь, могут случиться большие неприятности. Но вы не беспокойтесь, я ни на минуту об этом не забуду. Я всё время буду внимательно за собой следить. Не понимаю, почему это некоторые считают меня беспечным и легкомысленным? Ведь я совсем не такое! Нет, вы увидите, всё будет просто прекрасно!

Глава 11 Кресло, улетевшее в окно

О дворце короля Фонтаниуса I ходили самые невероятные слухи.

Что ж, пожалуй, это был действительно необыкновенный дворец.

Я нисколько не ошибусь, если скажу тебе, мой читатель, что это был самый мокрый дворец на свете. Самый влажный, самый отсыревший, даже, смею утверждать, самый заплесневевший.

Слуги каждое утро соскребали мох с широких лестниц и плесень с мраморного пола, колонн и даже дверных ручек.

Король, конечно, был богаче всех людей в королевстве.

Говорили, что его слуги каждое утро выливают на пол тысячу вёдер воды.

Что ж, приходится этому верить!

Ведь все полы во дворце были залиты водой. Да-да, водой! Настоящей водой!

Поэтому, пожалуйста, не удивляйся, мой читатель, что все придворные во дворце постоянно ходили в калошах.

Разумеется, это были совершенно особые калоши. Они радовали глаз своим нежным цветом: розовым, голубым, фиолетовым. К тому же подошвы у них были тонкие, как лепестки розы. Один раз потанцуешь на балу – и на пятке дыра.

Это было, конечно, очень на руку продавцу придворных калош. Он сколотил на калошах целое состояние. У него на окнах стояло двенадцать горшков с цветами, что, как ты понимаешь, говорит о немалом богатстве.

Придворные вечно ходили с мокрыми ногами, страдали хроническим насморком, и в каждом углу кто-то звонко чихал или сдавленно кашлял.

И только главный королевский советник, по имени Слыши, не обращая ни на кого внимания, ходил в глубоких чёрных калошах на толстенной подошве.

Слыши всегда говорил шёпотом, но зато слышал всё, что говорится в любой комнате дворца. Он слышал даже, о чём шепчутся поварята на кухне.

Придворных приводил в ужас один вид его чёрных калош, но король Фонтаниус I очень любил своего главного советника.

Больше всего воды было на полу в тронном зале.

Вода омывала ножки массивного королевского трона.

Сдвинуть его с места не могли бы и двадцать силачей.

На спинке трона сверкал королевский герб – золотое ведро и надпись: «Вода принадлежит королю».

Перед троном стояла огромная мраморная чаша.

И представьте себе только: она была по краю наполнена чистейшей прозрачной водой.

В этой чаше важно плавали золотые рыбы с красными выпученными глазами и хвостами, похожими на балетные юбочки.

Придворные часами толпились около чаши, с изумлением рассматривая их. Ведь рыбы в этом королевстве были самой большой редкостью.

Король Фонтаниус I имел вид поистине королевский.

Он давно уже перестал расти вверх, но продолжал расти в ширину. Живот у него сползал на колени, а щёки и подбородок съезжали на грудь.

– Увы! Наш король слишком много пьёт! – озабоченно качали головами придворные врачи, угощая друг друга новейшими таблетками от простуды.

– Стоит мне только подумать, что мои подданные хотят пить, как от жалости меня начинает мучить ужасная жажда! – вздыхал король. – Я пью так много, потому что я слишком добрый.

Советники короля, министры и придворные страдали той же болезнью. Ежедневно они опустошали такое количество кубков и бокалов воды, что с трудом переставляли ноги.

Только главный советник Слыши, тот самый, который ходил в чёрных калошах, пил воду напёрстками и был худ, как щепка.

В этот вечер во дворце все были как-то особенно взволнованы.

Придворные, забыв о мокрых ногах, собирались кучками и перешёптывались.

– Вы не знаете, когда он явится во дворец?

– Ровно в девять.

– Я слышал, он приехал на трёх верблюдах.

– Подумаешь, слышал! Я их видел, вот как вас вижу. Три белых, белых как снег, верблюда.

– Но почему на верблюдах?

– Очень разумно. Чему вы удивляетесь? Ведь верблюды могут не пить по несколько недель.

– Но почему на белых?

– Слуги у него с ног до головы закутаны в белые покрывала.

– А он богат, этот путешественник?

– Говорят, несметные богатства!

– Он остановился в самой дорогой гостинице!

– Я сам видел: огромные белые сундуки.

– Но почему всё белое?

– А почему бы не быть всему белому?

В разгар этих споров дворцовые часы, подумав, пробили девять раз.

Это были самые умные и самые грустные часы на свете.

Их сделал Великий Часовщик. Он работал над ними много лет.

Когда король увидел эти часы, они ему так понравились, что он тут же попросил Великого Часовщика подарить ему эту безделицу.

Эти часы никогда не отставали и никогда не спешили.

Но всякий раз, перед тем как начать бить, они на мгновение задумывались.

Чтобы предохранить их от сырости, часы накрыли большим стеклянным колпаком.

С первым ударом часов все придворные повернули головы к высоким дверям. А с девятым ударом двери распахнулись, и в зал вошёл знатный путешественник.

Он так низко поклонился королю, что перья его шляпы проехались по мокрому полу.

Синий каftан, сшитый из невиданно тонкого сукна, сидел на нём просто великолепно. Сверкали бриллианты на пальцах.

Все невольно залюбовались его нежно-розовыми щеками. Впрочем, это никого особенно не удивило. Конечно, у кого же, как не у путешественников, должны быть розовые щёки? Ведь путешественники больше всех остальных людей бывают на свежем воздухе.

– В каких странах вы побывали? – поинтересовался король.

– О, в самых разных! – Голос у путешественника был очень приятный. – Можно сказать, я облетел весь мир. Но нигде, нигде я не видел ничего подобного! Эти мокрые полы, ступени... Лужи повсюду! Нет, это бесподобно! Я – восхищён!

Было видно, что путешественник говорит всё это совершенно искренне, от чистого сердца.

Король торжественно надел золотые калоши и сам провёл своего гостя по всему дворцу.

Главный советник Слышиш шёл за ними и сверлил спину путешественника острым и подозрительным взглядом.

Путешественник оказался человеком на редкость любознательным.

Беззвучно скользя по мокрому полу в своих зелёных башмаках, он заглядывал во все углы, за занавески, рассматривал каждый вбитый в стену гвоздь, узоры на стенах и дверные ручки.

Он стонал и вскрикивал от восхищения, но постепенно вид у него становился какой-то беспокойный и даже несколько растерянный. Наконец, он почти с отчаянием стал заглядывать под стулья и кресла. Казалось, он что-то ищет.

Некоторые придворные даже подумали, не потерял ли знатный путешественник один из своих колец с крупным бриллиантом.

Наконец все вернулись в главный зал. Король снова уселся на трон и хлопнул в ладоши. Вошли слуги с золотыми подносами. На подносах стояли бокалы с водой.

– Вода с сиропом! Не желаете ли?

– Вода с лимоном!

– Вода с солью, новый оригинальный напиток!

– Вода со льдом!

Льдинки поскривывали в бокалах.

Придворные осушали один бокал за другим и время от времени выходили в сад полюбоваться луной.

Слуги с подносами, низко кланяясь, обступили знатного путешественника.

Но он только скучным взглядом посмотрел на бокалы.

Плавным шагом он подошёл к мраморной чаше, наклонился и припал ртом прямо к воде.

Щёки его раздулись и несколько побледнели.

В зале стало удивительно тихо.

Знатный путешественник с шумом втягивал в себя воду и изредка переводил дух. Воды в мраморной чаше заметно поубавилось.

Пожилой слуга наклонил поднос. Бокалы один за другим упали на пол и разлетелись с оглушительным звоном.

Знатный путешественник с видимым сожалением оторвался от воды, закрыл рот и оглянулся.

Можно было подумать, что, пока он пил, все придворные и сам король превратились в статуи. Продавец придворных калош замер на одной ноге. Главный алхимик развернул носовой платок, но так и забыл высыпаться.

– Хм... – досадливо сказал знатный путешественник и погладил свои усы, с которых побежала вода. – Кажется, я немного увлёкся, а?

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, но в этот момент в дверях появился начальник королевской стражи.

Он отчаянно дрожал. Его ноги разъезжались на скользком полу, и он делал неимоверные усилия, чтобы как-нибудь собрать их вместе. Вид у него был самый жалкий.

Он дёргал носом точь-в-точь как заяц. Можно было даже подумать, что у него под высокой шапкой с кокардой спрятаны заячий уши.

– Виноват, ваше величество! Не углядел... Ещё один откопали... – сказал он несчастным голосом.

Придворные вмиг ожили:

– Не может быть!

– Неблагодарные!

– Ведь только вчера ночью откопали колодец в конце Кривой улицы!

– А стражников связали!

– А сегодня опять!

– Скоро они откопают все колодцы!

– Это заговор!

– Это бунт!

На губах у короля появился большой переливающийся мыльный пузырь.

Дело в том, что король, будучи ещё младенцем, однажды, назло своим двадцати пяти нянькам, проглотил кусок мыла. Все двадцать пять нянек были немедленно брошены в тюрьму. Но это не помогло.

С тех пор, стоило королю хоть немного раз волноваться, на губах у него появлялись великолепнейшие мыльные пузыри.

Мыло, проглощенное его величеством, было самого лучшего качества, поэтому пузыри выдувались большие, сияющие и удивительно круглые. Они отражали мраморные колонны, огни свечей и перекошенные лица придворных.

Но короля это приводило в ещё большую ярость.

– Засыпать колодец! Завалить камнями! Залить смолой! Нет, расплавленным свинцом! По залу важно поплыли мыльные пузыри. Придворные шарахались от них в стороны. Знатный путешественник издал страдальческий стон.

Но никто не обратил на него внимания.

– Где этот колодец? – прошипел главный советник Слыш.

– У северных ворот, – лязгнув зубами, ответил начальник стражи.

– Это где три серых камня? – с неожиданным беспокойством спросил путешественник, делая шаг вперёд.

Начальник стражи удивлённо посмотрел на него и кивнул.

– Где ещё такой высокий дуб с большим дуплом?

Начальник стражи снова кивнул и попятился.

Тут со знатным путешественником случилось что-то странное. С растерянным видом, ломая мягкие, гибкие руки, он бросился к королю:

– О!.. Ваше величество, не делайте этого! Умоляю вас, не заваливайте его камнями!.. – Он торопливо повернулся к Слышу: – Этот колодец – мой друг! Я в нём столько раз ночевал! В нём было так прохладно...

Слезы витыми струйками, как из носика кофейника, брызнули из глаз знатного путешественника.

Он начал удивительно меняться.

Щёки его из нежно-розовых вдруг стали густо-зелёными, в то время как башмаки, которые прежде были зелёные, как трава, почему-то порозовели, как розы. Нос знатного путешественника стал густо-синим.

Первым опомнился Слыш.

– Схватить голубчика! – прошептал он. – Это опаснейший преступник... Держите его! Слыш прыгнул прямо на знатного путешественника, но тот мягко отскочил в сторону. Они помчались по залу.

Резкие, угловатые прыжки главного советника напоминали полёт летучей мыши, в то время как все движения путешественника были на редкость мягкими и плавными.

После каждого прыжка он менялся. Нос у него вдруг стал золотым и просто сиял, разбрасывая лучи в разные стороны. Но зато после следующего прыжка лоб его стал полосатым, белым в чёрную полоску, как у зебры.

В какой-то момент Слыши чуть было не ухватил знатного путешественника за полы развеивающегося камзола, но в тот же миг с его правой ноги предательски свалилась калоша. Пока Слыши ловил её ногой, путешественник очутился по другую сторону мраморной вазы.

Там его сейчас же со всех сторон окружили стражники.

Нетерпеливо притаптывая пяткой, вбивая башмак в непослушную калошу, Слыши бросился к путешественнику:

– Наручники! Кандалы! Цепи! В тюрьму его!..

Но знатный путешественник взглянул на него даже с каким-то сожалением.

– Я знал, что все кончится именно так, – почему-то грустно сказал он. После этого он дернулся за ухо, легко подскочил и, совершив невероятный прыжок через голову начальника королевской стражи, нырнул прямо в мраморную чашу.

Мелькнули страусовые перья на его шляпе, которые к тому времени стали красно-сине-зелеными, и знатный путешественник скрылся под водой.

– Поймать его! Выловить голубчика! – прошипел Слыши.

Стражники бросились к мраморной чаше, расплёскивая воду, принялись шарить руками по дну.

– Поймал! – закричал один из стражников, но на самом деле он схватил под водой руку Слыши.

Поднялся невообразимый шум. Вода выплескивалась из вазы. Возмущённые рыбы высоко подпрыгивали. Брызги летели в лицо и глаза стражникам. Те, ничего не видя, хватали под водой друг друга за руки, ловили за хвосты рыб и всякий раз думали, что поймали знатного путешественника.

Наконец, в мраморной чаше воды почти не осталось.

Все в недоумении уставились на десяток перепуганных рыб.

Знатного путешественника в мраморной чаше не оказалось.

Он исчез. Исчез бесследно. Пропал неизвестно куда, вместе со своими розовыми башмаками и золотым носом.

– Ничего не понимаю! – прошептал главный советник Слыши, проведя рукой по взмокшему лбу.

Он упал в кресло, неизвестно каким образом очутившееся позади него.

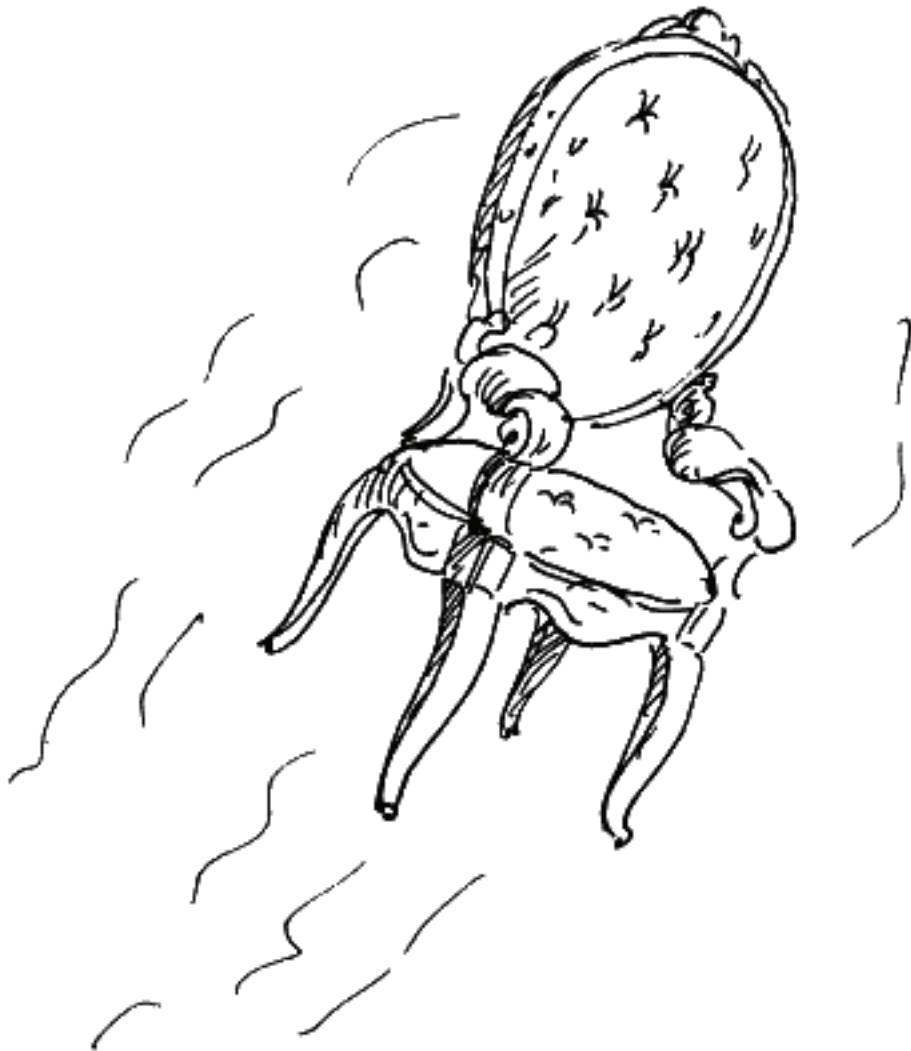
С виду кресло было как кресло и ничем не отличалось от остальных кресел, стоявших в зале вдоль стен: такие же гнутые золочёные ножки, такая же спинка, такая же шёлковая обивка.

Но почему-то главный советник Слыши пролетел сквозь сиденье и грузно грохнулся об пол. При этом звук был такой, как будто все кости в нём стукнулись друг о друга.

В полной растерянности, со скрипом разогнув спину, он поднялся с пола.

И тут случилось самое невероятное.

Кресло не спеша взлетело в воздух. Сделав небольшой круг над главным советником, оно помахало на прощание гнутыми ножками и вылетело в открытое окно.

Глава 12 Чёрный голубь

– Эй, лентяйка, не видишь, что ли, голуби из дворца прилетели! Накорми их да голубятню почисти. А я отправляюсь варить кашу! – крикнула Лоскутику со двора Барбацуца.

У крыльца чёрные лошади гнули шеи, отливающие лиловым серебром, копытами рыли ямки в сухой пыли.

Кучер, сидя на козлах, опасливо поглядывал на Барбацуцу. Он держал за щекой орех и боялся его разгрызть.

Барбацуца, ворча, залезла в карету. С такой злобой захлопнула дверцу, что кучер подскочил на козлах. Крак! – орех раскололся. Карета укатила.

Лоскутик полезла на голубятню.

Среди белых голубей Барбацуцы она вдруг увидела одного голубя совсем чёрного. Такого чёрного, как если в безлунную ночь заглянуть себе в кулак.

Она поймала голубя, провела рукой по его спинке, по крыльям. Ладонь стала чёрной.

– Это не твой голубь! Отдай! – услышала она.

Внизу во дворе стоял чёрный мальчик. Весь чёрный, только кончик носа белый.

– Он сам прилетел, – обиделась Лоскутик. – На, очень он мне нужен. Забирай его, пожалуйста.

Мальчишка удивительно ловко вскарабкался на голубятню.

Никогда Лоскутик не видела таких худых мальчишек.

Можно было подумать, что он весь под своей чёрной изношенной одеждой сплетён из тонких гибких прутьев.

Голубь тотчас же перепорхнул к мальчишке. Уселся у него на голове.

Но мальчишка всё стоял и глядел на Лоскутика.

— Как тебя зовут? — спросила наконец Лоскутик, решив, что дальше молчать невежливо.

— Меня зовут Сажа, — охотно ответил мальчишка. — Я — трубочист. Я чищу дымоходы во всём городе. Каждый день семьдесят труб. Там в трубах так темно и дымно. Иногда мне кажется, что на всей земле навсегда наступила чёрная ночь. Тогда я начинаю разговаривать с моим голубем. Он всегда сидит на крыше, когда я чищу дымоход. И мне становится веселей сидеть в длинной чёрной трубе и скрести сажу и копоть.

— А я тебя видела, — сказала Лоскутик.

— И я тебя. Это когда с неба текла вода. Что это было?

— А вот что! Смотри!

Лоскутик указала пальцем на выглянувшее из-за угла Облако. Облако было круглое, рот растянут до ушей. Короткие кривые лапы прижаты к животу.

— Кто это? — тихо спросил Сажа и чуть не свалился с голубятни.

— Только не спрашивай его об этом. Ох, не любит! — поспешил прошептала Лоскутик. — Облако это. Ну просто Облако. Я тебе потом объясню.

— Облако!.. — Сажа в восторге заулыбался, отчего со щёк у него отвалились и посыпались кусочки копоти, а с ресниц полетела чёрная пыль.

Облако огляделось по сторонам и взлетело на голубятню.

— Познакомьтесь. Это — Облако, а это — Сажа, — весело сказала Лоскутик.

Но Облако только что-то невнятно квакнуло. Его жабы глаза разъехались в разные стороны. Оно потемнело. В животе у него сердито повернулся гром. Ни на кого не глядя, оно уселось на крышу и с угремым видом стало щекотать молнией голубей.

В этот вечер Лоскутик, как всегда, устраивала Облаку постель у себя под кроватью. Она взбивала подушки, а Облако, мрачно насупившись, сидело на шкафу и рисовало мокрым пальцем узоры на пыльных обоях.

— Не хочу, чтобы ты с ним дружила, и всё, — вдруг сказало Облако, не глядя на Лоскутика.

— Вот те раз! — огорчилась Лоскутик. — Это почему? Я совсем одна. Ты целые дни пропадаешь у жабы Розитты. Тебе и не до меня вовсе.

— Не забывай, у меня с жабой Розиттой важные дела, — строго сказали Облако.

— Ну да. Вон какое ты стало худое, тёмное. Пьёшь, наверное, не вовремя, кое-как. Совсем одичало. Прилетишь — и сразу спать. Со мной даже не поговоришь ни о чём.

— А о чём ты будешь говорить с этим грязнулей?

— Он не грязнуля вовсе. Где он, по-твоему, возьмёт воду, чтобы помыться?

— Небось говорил тебе, что ты красивая? — ревниво спросило Облако, продолжая водить пальцем по стене.

— Ничего он не говорил.

— А ты и не верь. Ты некрасивая, — сказало Облако и добавило подозрительно: — А не говорил он: «Вот вырасту и женюсь на тебе»?

— Ну что ты! Мы же только познакомились.

Облако больше ничего не сказали и с мрачным видом полезло под кровать.

Оно долго не могло уснуть, ворочалось с боку на бок, укладывало молнию поудобней. Лоскутик слышала, как оно вздыхало под кроватью, что-то бормотало обиженно.

Когда Лоскутик на другой день утром проснулась, Облака под кроватью уже не было.

Как только Барбацуца отбыла во дворец, не поймёшь откуда, как чёртик из-под земли, выскоцил Сажа.

Лоскутик махнула ему рукой. Он быстро забрался на голубятню.

— Я чистил сегодня длинную-предлинную кривую чёрную трубу, — торопясь, заговорил Сажа, — и придумал страну.

— Страну? — удивилась Лоскутик.

— В трубе было совсем темно, вот я её и придумал, чтоб мне было немного светлее, — сказал Сажа. — Не будешь смеяться?

— Не буду, — покачала головой Лоскутик.

— Пускай такой страны быть не может, но я её всё равно придумал. Слушай. В моей стране столько травы, что по ней могут ходить босиком все дети, даже самые бедные. Там много деревьев. И на всех, на всех зелёные листья. И ешё по ним можно бесплатно лазить. Сколько хочешь.

— Хорошо... — Лоскутик даже закрыла глаза. Так ей было лучше видно эту страну.

— Там столько воды, что она окружает эту страну со всех сторон.

— Давай назовём воду морем. Это красиво — море.

— Давай. А в небе там много облаков. На каждого человека по облаку. Знаешь, я дарю тебе эту страну. Пускай она теперь будет твоя. Хочешь?

Лоскутик открыла глаза, вздохнула.

— Очень.

— «Очень, очень»!... — послышался язвительный голос, и откуда-то из-под голубятни вылетело лохматое, растрёпанное Облако. — Значит, так!.. Значит, мало тебе меня? Подавай целую страну с облаками?

— Ты подслушивало? — укоризненно воскликнула Лоскутик.

— Ну и что тут плохого? Мы, облака, всегда подслушиваем. Мы не виноваты, что люди болтают под нами всякие глупости.

— Всё равно ты должно было сказать, что ты тут и всё слышишь.

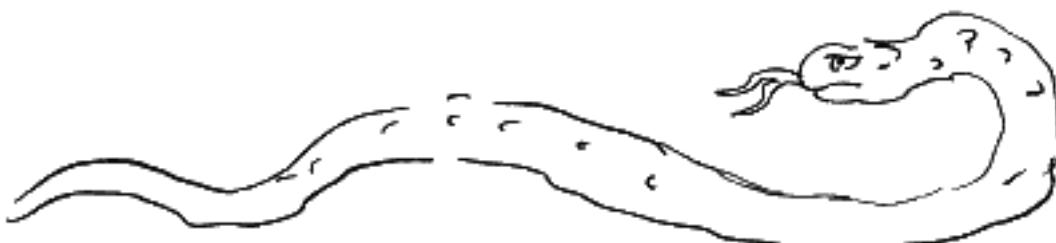
— Ага, выходит, у тебя уже завелись тайны от меня? — Облако с ненавистью посмотрело на Сажу. — Я так и знало, что всё кончится очень плохо. Недаром моя бабка мне говорила: не дружи с людьми, не дружи! Не доведёт тебя это до добра!

В Облаке что-то заклокотало, как вода в кипящем чайнике. Оно с такой силой дёрнуло себя за ухо, что ухо оторвалось и полетело с ним рядом. Облако взлетело над голубятней.

— Прощай! — крикнуло Облако. — Теперь я больше никому не верю!

— Вернись! Вернись! — изо всех сил закричала Лоскутик.

Но Облако вытянулось в длину и превратилось в огромную змею. Оскорбленно шипя и извиваясь, оно улетело.

Глава 13

Кто же это был, в конце концов?

Как ты помнишь, мой читатель, знатный путешественник исчез самым таинственным образом.

Десять минут все, кто это видел, стояли в полнейшей растерянности, а ещё через пять минут из дворцовых ворот вылетел отряд конных стражников.

Поднимая немыслимую пыль, они промчались по улицам. Пыль повисла над городом, как серый мешок.

Стражники окружили гостиницу, в которой остановился знатный путешественник, но никакого путешественника там не оказалось.

Неизвестно куда пропали слуги в белых покрывалях, исчезли белые сундуки, а от трёх верблюдов, привязанных к столбу во дворе гостиницы, остались только три небольшие лужицы.

Правда, старая подслеповатая служанка клялась, что собственными глазами видела, как верблюды живьём взлетели в небо, а белые сундуки один за другим вывалились из открытого окна, поднялись вверх и пропали. Но никто ей, конечно, не поверил.

Король созвал тайный совет.

Во дворец съехались все королевские учёные, советники и придворные.

Здесь были знаменитые алхимики в остроконечных шапках, уже много лет трудившиеся над тем, как превратить серебряные ложки и оловянные тарелки в золото.

От них пахло серой, и они глядели друг на друга подозрительно и со скрытой злобой.

Здесь был даже главный астроном короля, который научно доказал, что месяц и луна – это одно и то же.

Из угла в угол, заложив руки за спину, быстро ходил маленький пухлый человечек. У него были всклокоченные волосы и безумные глаза.

Это был очень знаменитый учёный – специалист по форме блинов. Всю свою жизнь он посвятил одной мечте: испечь квадратный блин на круглой сковородке. Он испёк несметное количество блинов, горы блинов и блинчиков, но среди них не было ни одного квадратного.

Да, что и говорить, здесь собрался весь цвет учёного мира!

– Ну-с, что вы думаете по этому поводу? – мрачно спросил король. – Кто же всё-таки он был, этот путешественник?

Но даже сам главный советник Слыши, который знал, что творится в любом закоулке дворца, не мог ответить на вопрос короля.

– Ваше величество, – доложил слуга в золотой ливрее, с мокрыми до колен ногами. – Три человека просят разрешения срочно поговорить с вашим величеством. Они утверждают, что могут сообщить вашему величеству очень важные новости.

Король кивнул.

– Пропустить, – сказал Слыши.

Первым вошёл в зал лавочник Мельхиор. Увидев острые сабли, и пики, и ещё множество острых и колючих предметов, лавочник просто затрясся от алчности и страха.

– Очень надёжный и преданный слуга вашего величества, – шепнул на ухо королю советник Слыши. – Я о нём слышал только самое хорошее...

– Ваше величество... – начал лавочник. Он извивался всем телом и не мог ничего с собой поделать. – Двенадцать белых собак!..

– Что?! – изумился король.

– Вернее, одиннадцать пуделей, одна дворняжка и лев на подоконнике! – выпалил лавочник, чувствуя, что он говорит что-то не то.

– Какая дворняжка на подоконнике? – нахмурился король. – Почему ко мне пускают сумасшедших?

– Нет-нет, ваше величество, умоляю вас, разрешите ему продолжать, – насторожившись, сказал советник Слыши.

– Собаки летали по всей лавке и купили краски... А лев был на чердаке и улетел в окно!.. – понимая, что он окончательно запутался и получается какая-то полнейшая ерунда, уже несчастным голосом закончил Мельхиор.

– Улетел в окно... – прошептал Слыши. – Кресло тоже улетело, и именно в окно! Тут есть несомненная связь. Эй, напоить его и отпустить!

Лавочник начал извиваться, как змея, которую держат за хвост. Он не мог сделать ни шага. Слуги под руки вывели его из зала.

Вошёл капитан королевских стражников.

– А у тебя что? – спросил Слыши.

– Вода с неба, ваше величество! – рявкнул капитан.

– Какая ещё вода с неба? – Король с беспокойством оглянулся на Слышина.

– Сам видел! Она хлещет, а они пляшут! – выпалил капитан, вытягиваясь так, что стал похож на крокодила, вставшего на хвост.

– Кто хлещет? Кто пляшет? – прошипел Слыши.

– Вода хлещет, ребяташки пляшут. Прямо по лужам, ваше величество! Босиком!

Лицо короля побагровело. Большой мыльный пузырь вздулся у него на губах, задрожал, мягко отделился от губ и поплыл по залу.

Капитан королевских стражников застыл неподвижно, свёл глаза вместе, глядя на плывущий прямо на него мыльный пузырь. Он твердо встретил опасность, приняв пузырь на кончик носа, да так и замер, боясь пошевелиться.

– Вы слышите? – вздувался и пенился король. – Нищие ребяташки босиком пляшут по лужам! В моем королевстве – по лужам! В моем королевстве – босиком! Какова наглость! Босиком! По лужам!..

Тем временем на месте капитана королевских стражников возник круглый, как бочка, дядюшка Буль.

Он делал неимоверные усилия, стараясь поклониться королю, но все было безуспешно, поскольку бочка никак не может согнуться пополам.

Поэтому он попросту плюхнулся на пол и, не вставая, проговорил жалобным голосом:

– Больше не пьют!

– Кто не пьёт? – Король выпустил ещё один пузырь: прекрасный, сияющий, бледно-лиловый.

– Вдова в конце Нищей улицы – раз, слепой музыкант в Сером тупике – два, старый шарманщик, у которого сдохла обезьянка, – три... – перечислял дядюшка Буль.

– К чёрту старого шарманщика! – Король выпустил целую стайку маленьких голубых пузырей.

– Они больше не покупают у меня воду – значит, они больше не пьют, – развёл руками дядюшка Буль.

– «Значит... значит»!.. – передразнил его Слыши. – Значит, просто-напросто они достают воду где-то ещё.

Дядюшка Буль выкатился из зала.

– Его величество желает знать ваше мнение, господа учёные! – прошептал Слыши.

Воцарилось неловкое молчание.

– Я думаю, что разгадку надо искать в усиленном влиянии луны, которую я недавно открыл, – проскрипел королевский астроном, низко кланяясь королю. Он считал, что, если он ничего не скажет, это может произвести на всех неблагоприятное впечатление.

Слыши только молча посмотрел на него, и королевский астроном тотчас же скрылся за чьей-то спиной.

– Я полагаю, – воскликнул специалист по форме блинов, ещё больше взъерошив свои волосы, – я полагаю, что эти летающие звери есть результат брожения дрожжей, в излишнем количестве проникших в атмосферу!

– Ваше величество, необходимо срочно поймать одну из этих летающих собак, – с важностью заявил алхимик в высокой остроконечной шапке со звёздами. – Тогда я разложу эту летающую собаку на составные части при помощи окиси серебра и скажу вам, что это такое.

– Невежда! – воскликнул другой алхимик в шапке ещё более высокой. – Это же неслыханно! Разлагать летающих собак с помощью окиси серебра. Это же просто безграмотно! Летающих собак разлагают на составные части только с помощью щёлочи. Это же знает любой недоучка!

– Нет, при помощи кислоты! – возопил алхимик в шапке пониже.

– Щёлочи!

– Кислоты!

Алхимики начали наскакивать друг на друга, как два петуха.

– Недавно произошла одна презабавная история, – прошептал Слыши. В зале стало удивительно тихо. Алхимики замерли, сверля друг друга глазами. – Наверно, вы все о ней слышали. Какой-то полуумный художник, по имени Вермильон, забрался на колокольню и звонил во все колокола. Мало этого. Он вопил диким голосом и призывал всех полюбоваться... чем, вы полагаете?

– Облаком! – как один, выдохнули все прославленные учёные и придворные.

– Так не думаете ли вы, что разгадка именно в этом? Не думаете ли вы, что в наше королевство залетело...

– Облако! – в один голос крикнули все.

— Да, — прошептал Слыши. Он всегда говорил очень тихо, но все всегда слышали каждое его слово.

Король выпустил небывало большой пузырь. Пузырь, упруго дрожа, поплыл, неся на себе бледные лица придворных.

— Какое несчастье!

— Облако!

— В нашем королевстве!

— Облако!

— Какая беда!

— Всё было так хорошо, и вдруг...

— Облако!

— Это катастрофа!

Вбежал начальник королевской стражи, тот самый, до удивительности похожий на зайца.

Он заговорил, дрожа и заикаясь:

— Ваше величество! На площади Одинокой Коровы... Красный человек... Весь красный... Плачет... Брызжет вином во все стороны... Окружили... Хотели схватить... Но красный... взлетел кверху и повис на флюгере... Ваше величество, вниз головой... Висит и плачет... Висит и плачет...

— Он — это оно! — со свистом прошептал Слыши. Он резко повернулся к королю. Казалось, все кости в нём скрипнули, задев друг друга.

— Что? — переспросил король. — Ничего не понимаю!

— Это — Облако! — совсем тихо сказал Слыши.

Глава 14

Удивительное происшествие в трактире «Хорошо прожаренный лебедь»

Площадь Одинокой Коровы, несмотря на своё грустное название, была самой шумной и оживлённой площадью в городе.

Здесь стучали молотками сапожники, загоняя гвозди в каблуки, шипели утюги портных, гром и лязг летел из кузниц.

Тише всех работал Великий Часовщик. Он неслышно мастерил крошечные пружинки и колесики, и только один раз в час из всех стенных часов выглядывали кукушки, куковали и кланялись старому мастеру.

Среди придворных короля Фонтаниуса I было много славных мастеров.

Для того чтобы купить кувшин воды и каравай хлеба для своей семьи, им приходилось немало потрудиться.

Король за гроши покупал у них кинжалы с узорами на рукоятках, тончайшие кружева и вышивки, часы, которые никогда не спешили и не отставали, удивительные вазы с рисунками, просвечивающими насквозь.

Король выгодно выменивал на эти прекрасные изделия у других королей зерно и овощи – всё, что не могла дать его измученная, несчастная земля. Затем в тридорога продавал это своим мастерам.

Так что в карманы короля ручейками текло золото.

А в кузницах до поздней ночи сверкали раскалённые угли, в мастерских, не останавливаясь, жужжали ткацкие станки.

Великий Часовщик вынимал из глаза выпуклое стекло и ложился спать прямо тут же, на полу, на жёстком тюфяке.

И, как ты уже знаешь, мой читатель, все часы, большие и маленькие, сговорившись между собой, начинали музыкально тикать в такт, чтобы усыпить его.

Посреди площади в пыли возились полуоголые ребячишки. Они рисовали пальцами друг у друга на пыльных животах разные забавные картинки.

Тут же на площади был трактир «Хорошо прожаренный лебедь».

Самые богатые люди в городе заходили в тёмный, прохладный подвалчик осушить кружку отличного вина.

Хозяин трактира, человек жадный и расчётливый, очень гордился своей необычайно гладкой лысиной. Он извлекал из неё немалую выгоду. Каждое утро первым делом он до блеска натирал её суконкой так, что она начинала сиять, как зеркало. Лысина отражала огоньки свечей, и поэтому в тёмном подвале становилось светлее. Благодаря этому трактирщик изводил в половину меньше свечей.

Возле трактира вечно околачивался Один-Единственный Нищий. Остальных нищих король давно уже засадил в тюрьму.

– Королевство без нищих – это чёрт знает что, а не королевство, – любил говорить король Фонтаниус I. – Что это за король, который не смог довести до полной нищеты ни одного из своих подданных? Нет, у меня тоже должен быть свой собственный нищий! Но только один-единственный!

Так как в этом королевстве могли прожить только замечательные мастера, то и Один-Единственный Нищий стал в конце концов замечательным мастером своего дела.

Он так великолепно научился клянчить, выпрашивать, ныть, просить, вымаливать, жалобно урчать животом и залезать в душу, что только очень богатые люди могли прогнать его от своего порога.

От одного его вида начинало щекотать в носу.

Бедняки со слезами на глазах делились с ним последним глотком воды.

В этот день Единственному Нищему не повезло.

Он думал хоть чем-нибудь поживиться в «Хорошо прожаренном лебеде». Но там сидели только богачи и скупердяи: дядюшка Буль, главный тюремщик, его закадычный друг-жок начальник королевской стражи и продавец придворных калош.

Единственный Нищий протягивал к ним дрожащую руку, тряс лохмотьями, хромал и пронзительно скрипел деревяшкой, которую он привязывал к своей совершенно здоровой ноге. Но за все свои труды он заработал только пинок от начальника королевской стражи.

Увы, ему нужно было совсем не это. Ему был необходим кусок хлеба и хотя бы один глоток воды – Единственный Нищий не ел и не пил уже целые сутки.

Всё поплыло у бедняги перед глазами, и поэтому он нисколько не удивился, увидев белого человека, с необыкновенно печальным видом сидящего верхом на бочке с вином в самой глубине тёмного подвала.

Трактирщик, у которого на лысине слева и справа, прямо над ушами, отражались две горящие свечи, наполнил четыре кружки красным вином.

Он поставил их рядком на прилавок.

Единственный Нищий увидел, как белый человек наклонился и с тяжёлым, сокрушенным вздохом припал к кружке с красным вином. Потом ко второй, к третьей, к четвёртой...

Белый человек заметно порозовел.

Увидев, что кружки таинственным образом опустели, трактирщик так быстро завертел головой, что огоньки свечей так и заплясали на его лысине.

Но главное, от растерянности он забыл заткнуть бочку.

Розовый человек, который ещё недавно был совсем белым, свесился с бочки, повис вниз головой и припал ртом прямо к бьющей фонтаном красной струе.

– Вот это да!.. – пробормотал изумлённый Единственный Нищий и хлопнул себя по коленям.

Он не выдержал и захохотал. Наверное, в первый раз в жизни.

Все уставились на него, и поэтому никто не видел, как розовый человек пил вино, раздуваясь и постепенно становясь тёмно-малиновым.

– Интересно, над кем это ты смеёшься? – закричал очень самолюбивый продавец придворных калош и запустил в Единственного Нищего большой обглоданной костью.

– Может быть, ты посмел смеяться надо мной? – с возмущением воскликнул начальник королевской стражи и кинул в него подушкой, на которой сидел.

– Конечно, ты смеялся не надо мной, но вот тебе на всякий случай! – сказал главный тюремщик, доставая из-под стола скамеечку, на которую онставил ноги.

Он швырнулся в голову Единственному Нищему.

Но Единственный Нищий ловко увернулся. Он был к тому же ещё большим мастером увиливать и увёртываться.

– О люди, люди! – послышался печальный, укоризненный голос. – Швыряться скамейками! Ни одно облако никогда не швырнуло бы скамейку в голову другому облаку! Никогда! Слышили вы?

Все обернулись на этот странный голос, да так и замерли от изумления.

Верхом на бочке, уныло сгорбившись, сидел тёмно-красный человек. Он не спеша поднял руку, дёрнулся за ухо и взлетел в воздух.

Он медленно проплыл над трактирщиком, над головами сидящих за столом посетителей.

У него было очень грустное лицо. Из глаз капали слёзы.

Он окропил тёмными каплями белоснежный воротник главного тюремщика, который считался самым большим щёголем в городе.

Громко вскрикнул продавец придворных калош: тонкая струйка вина угодила ему прямо в глаз.

Начальник королевской стражи вытянулся, как будто проглотил собственную саблю. Нос его посинел, потому что маленькая молния стрельнула в его серебряный шлем.

Красный человек опустился на пол. Шатаясь из стороны в сторону и цепляясь ногами за табуретки, он направился к двери.

Тут все изумились ещё больше. Дело в том, что красный человек как две капли воды был похож на Единственного Нищего.

Стояли дыбом его нечёсаные волосы. Сквозняк шевелил великолепные лохмотья.

Красный человек встал на пороге. Тут все сидящие в подвале увидели, что он прозрачен и светится красным, как бокал с вином, если сквозь него посмотреть на огонь.

— Идём отсюда, здесь нас всё равно не поймут, — грустно сказал красный человек Единственному Нищему и, пошатываясь, вышел из трактира.

Глава 15 Что надо сделать, чтобы уговорить облако сесть в карету

— Быть не может... — прошептал капитан королевской стражи. К тому времени он немного пришёл в себя после удара молнии. Нос его принял натуральный оттенок. — Его величество разрешило иметь в королевстве только Одного-Единственного Нищего. А теперь их стало двое. Что я скажу его величеству?

Между тем появление красного человека на площади Одинокой Коровы вызвало необыкновенный шум и суматоху.

Жена богатого дубильщика кож чуть не налетела на него. Она уронила корзинку с яблоками, которую только что выменяла на великолепно выдубленную кожу осла.

Яблоки запрыгали по мостовой. Но ребятишки даже не бросились поднимать эти странные, невиданные плоды.

Все смотрели на красного человека.

Люди выглядывали из окон и тут же выбегали на площадь.

Даже Великий Часовщик добрёл до порога и встал, ухватившись за косяк.

Красный человек, спотыкаясь, брёл через площадь, размахивал руками и что-то невнятно напевал. Что-то вроде этого:

Мы все такие грустные,
Как листики капустные...
Ведь любят даже индюка,

Собаку, курицу, быка.
Но почему ж не любит
Никто, никто не любит Облака?

К всеобщему изумлению, красный человек посмотрел вокруг пустым взглядом, дёрнулся за ухо и взлетел вверху. Он усился прямо на вывеску сапожника.

Вывеска была в виде сапога с серебряной шпорой-звездочкой.

Примостившись на этом сапоге, красный человек пригорюнился, подперев щёку ладонью, всхлипнул и сказал, не обращаясь ни к кому:

– Как я был счастлив, найдя друга здесь, на земле.

Но она променяла меня на первого попавшегося трубочиста… Да-да, на чумазого, только что вылезшего из трубы мальчишку…

Грудь его начала тяжко вздыхаться. Красный человек бурно зарыдал. По деревянному сапогу потекли красные струйки.

В это время из трактира «Хорошо прожаренный лебедь», загребая воздух руками, выскоцил хозяин.

С криком «Держи вора!» он бросился к лавке сапожника.

Подставив дрожащую ладонь под сапог, поймал несколько капель, лизнул языком да так весь и затрясся.

– Проклятый пьяничка! Моё самое лучшее вино! Он выпил целую бочку!

Трактирщик прыгал под сапогом. Тяжёлые капли разбивались вдребезги о его прославленную лысину.

– Вот они, люди! – пробормотало Облако, печально качая головой. – Ему жаль бочку красной воды. Любой ручей дал бы мне сто бочек и не поднял бы никакого крика.

– Ты выпил моё вино! – вопил трактирщик.

– На, забирай его обратно!

Красный человек перекрутил свои лохмотья и окатил трактирщика широкой красной струёй.

– Нет, ты заплати мне! – Трактирщик подпрыгивал изо всех сил и кончиком пальца задевал сапог. Сапог раскачивался, вместе с ним качался и красный человек.

– Вот они, люди! Деньги у них на уме, а не дружба, – всхлипнул красный человек. – Не мешай мне отдаваться моей печали…

Красный человек взлетел выше и повис на флюгерне вниз головой. Он висел, зацепившись за флюгер ногами. Руками он закрыл лицо и горько плакал. Слёзы бежали по лбу, стекали по волосам и стучали по черепице.

В это время послышалось щёлканье кнута, торопливое цоканье и ржание. На площадь Однокой Коровы выехала тяжёлая карета, запряжённая четвёркой отличных лошадей.

Дверца распахнулась – показалась нога в чёрной блестящей калоше. Из кареты проворно выскоцил главный советник Слыши.

Увидев столпившийся народ, он злобно оскалил зубы, но тут же, не теряя ни минуты, направился к лавке сапожника.

Старый флюгер на крыше сапожника под лёгким ветерком, поскрипывая, поворачивался. Поворачивался и висящий на нём вниз головой красный плачущий человечек.

– Достопочтимое Облако, вы ли это? – прошептал Слыши странно дрогнувшим голосом.

– А кто же ещё?.. Только добавь: несчастное и обманутое… – жалобно ответил человечек на флюгерне, сморкаясь в красный носовой платок.

– О, как бесконечно, безмерно счастлив я вас видеть! – Слыши так осторожно взмахнул руками, как будто боялся кого-нибудь вслугнуть. – Не желаете ли поехать со мной во дворец?

К Слыши подскочил трактирщик. Трогая пальцами его рукав, заговорил торопливо:

— Этот негодяй выпил целую бочку моего вина! Прикажите стащить его вниз! Прикажите бросить его в тюрьму!

Слыши нажал ладонью на его лысину.

— Чтоб больше я не слыш-шал ни слова... — прошипел он.

Трактирщик осел вниз, как гвоздь, по шляпке которого стукнули молотком.

— Мне жаль вас. Вы пили эту дрянную кислятину. Я предложу вам лучшие виноградные вина, — любезно прошептал Слыши, низко кланяясь Облаку.

— Не... не надо мне... — всхлипнуло Облако и, уловив сочувствие в голосе Слыши, зарыдало ещё горше: — Ничего я теперь не хочу, ничего...

— Может быть, вы желаете принять ванну? — терпеливо предложил Слыши.

— Не надо мне ванны... Нет, я так и знал, что всё кончится очень плохо...

— Поплескаться в фонтане? — Слыши тихо скрипнул зубами.

— Не до плескания мне... — безнадёжно махнуло рукой Облако.

В глазах Слыши сверкнула ярость, пальцы скрючились, как будто хватали кого-то невидимого за горло, но голос стал только ещё слаше.

— Может, вы хотите сыграть со мной в карты?.. Ах простите, — спохватился Слыши, — я совсем упустил из виду, что облака не умеют играть в карты!

— Что?! — Облако перевернулось, шлёпнулось на крышу, съехало до самого её края. Уселось, спустив вниз ноги: одна нога в стоптанном красном башмаке, другая — босая. — Это я-то не умею? Да мы, облака, только и делаем, что играем на небе в карты, в шашки, в жмурки, в прятки, в третий лишний и в крестики и нолики!

— Не может быть! — прошептал Слыши, делая вид, что он вне себя от восхищения.

— А ты что думал? Да моя бабка Старая Грозовая Туча, моя старая, милая бабушка, которую я не послушался и за это жестоко наказан, — да она никогда не начнёт грозу, пока не разложит пасьянса.

— Не может быть! — снова прошептал Слыши.

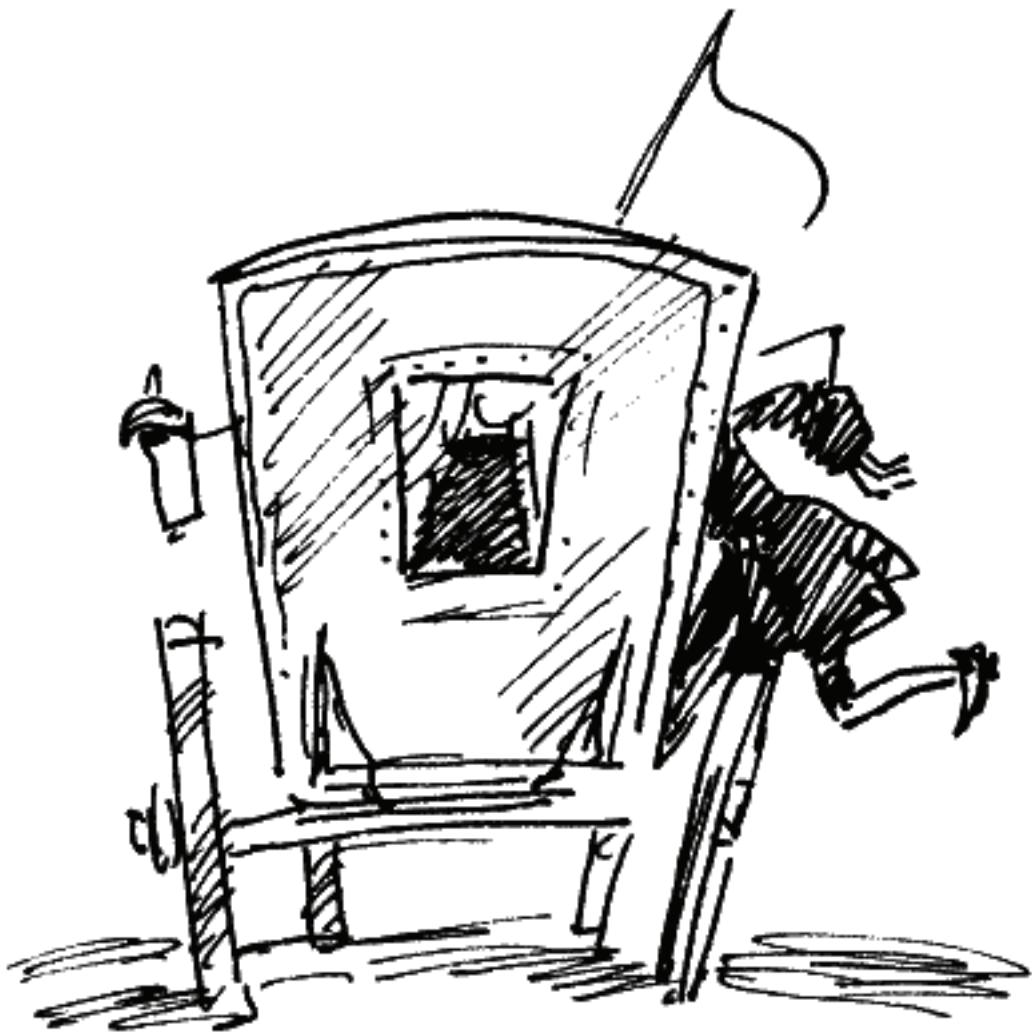
— Ещё как может... — всхлипнуло Облако.

— Так докажите мне это, дорогое Облако! — Слыши распахнул дверцу кареты.

Облако неловко сползло с крыши. Раскинув руки, оно, качаясь из стороны в сторону, пролетело над площадью и головой вперёд нырнуло в карету.

— Гони! — прошептал Слыши кучеру.

Он прыгнул следом за Облаком и захлопнул дверцу.

Глава 16

Слыши узнаёт кое-что очень важное

Как только карета тронулась, пьяное Облако упало на грудь Слыши и разрыдалось.

Слыши сидел, остекленелым взглядом глядя поверх всклокоченной головы Облака. Его камзол, рубашка – всё пропиталось вином. Но он продолжал сидеть неподвижно и терпеливо, боясь шевельнуться и спугнуть Облако.

– Давно ли вы залетели в наше королевство? – осторожно осведомился Слыши, скосив глаза на нечёсаную голову Облака.

– Два месяца. Я и остался тут из-за неё... Из-за этой девчонки... А она... – всхлипнуло Облако.

– А как её зовут? – прошептал Слыши, наклоняя ухо к Облаку.

– Нет, только ты, мой друг, ты один меня понимаешь! – зарыдало Облако, обвивая шею Слыши своими винными руками.

– Ах, дорогое Облако! Вы должны были сразу прилететь ко мне! – с мягким укором прошептал Слыши. – Я бы вас прекрасно устроил, со всеми удобствами... – Лицо Слыши стало зловещим, но Облако не заметило этого. – Вы летали тут одно, такое нежное и беззащитное. Вас могли ранить!

– Это она нанесла мне смертельную рану! Она и этот мальчишка!.. – воскликнуло Облако, и слёзы полились из его глаз ещё обильней. Руками оно по-прежнему обнимало Слыши за шею. Носовой платок сам выполз из его дырявого кармана, подлетел и вытер слёзы, бегущие по щекам.

– Вас могли убить! – Слыши озабоченно покачал головой.

– Меня нельзя убить... Она показалась мне такой одинокой...

– Неужели с вами ничего нельзя сделать? – тихо спросил Слыши, с трудом скрывая своё волнение.

– Можно, только этого никто не знает. Меня можно за... И я тоже был одинок. Никто на небе не понимал меня.

– Вы не договорили. Что «за»?.. – Голос Слыши заметно дрогнул: – За-задушить?

— Меня нельзя задушить. Меня можно только за... Ты не знаешь, какие все облака равнодушные. Летят себе, куда ветер дует.

— Может быть, вас можно за-забросать камнями? За-заковать в цепи? За-засадить за решётку? За-зарезать?

— Я был так счастлив у неё под кроватью. — Облако прикрыло глаза ладонью, предалось воспоминаниям. — На ночь она говорила мне «спокойной ночи»... Никто никогда не говорил мне «спокойной ночи»...

— За-засыпать песком? За-закопать в землю? Я об этом спрашиваю только потому, что я ужасно за вас беспокоюсь!

— Она мне говорила: «Ты плохо выглядишь. Ты осунулся. Пей побольше!» О!.. — Облако застонало.

Все подушки в карете пропитались вином. От винных паров у Слыши кружилась голова.

Даже кучер начал покачиваться на козлах, а лошади стали сбиваться с шага.

— Может быть, за-засолить в бочке с огурцами? За-зарядить вами пушку и выстрелить? — уже с отчаянием перечислял Слыши. — Как я за-за-за вас беспокоюсь! Как волнуюсь!

Если бы Облако подняло голову, оно увидело бы, каким нетерпением и ненавистью сверкают узкие глаза Слыши.

— Ох как ты мне надоел! — наконец не выдержало Облако. — Ну так слушай: меня можно заморозить! Понял? Заморозить! Тогда мне конец. Я не смогу летать. Стану обыкновенной ледышкой, и всё. Но никто этого не знает. Так что перестань беспокоиться и дай мне в тишине оплакать мою разбитую жизнь...

— Заморозить... — прошептал Слыши. Он откинулся на сырье, тяжёлые подушки. На мгновение закрыл глаза. — Значит, так...

Карета ехала по улицам странными зигзагами. Её то заносило на тумбу, то она обдирала кору сухой липы.

Кучер на козлах что-то пел, хотя у него не было ни голоса, ни музыкального слуха. Лошади восторженно ржали.

— Дорогое Облако, — сказал Слыши, стараясь поудобнее устроиться среди мокрых подушек. — Я помогу вам отомстить. Откройте мне имена мальчишки и девчонки. Они у меня просто кувырком полетят в тюрьму, а если вы пожелаете, то и дальше — прямёхонько на виселицу.

— Что?! Что ты сказал?! — Облако отстранилось от груди Слыши, посмотрело ему в лицо. — Пусть я просто пьяное Облако, но... девчонку и мальчишку на виселицу? Только за то, что они подружились?.. — Облако сжало ладонью лоб, затрясло нечёсаной головой. — Негодяй! Как ты смел мне сказать такое? — Облако поднялось вверх, насколько позволяла теснота кареты. — Нет, я дальше с тобой не поеду! Останови карету, выпусти меня.

— Ну уж нет, — с ехидством прошептал Слыши, — попалась птичка!

— Куда ты везёшь меня? — Облако в страхе ударилось об стекло. По стеклу потекли винные струйки.

— В такую хорошенъкую ледяную квартирку, — злорадно прошептал Слыши, наслаждаясь ужасом Облака. — Уложу тебя на ледяную кроватку. Что поделаешь, придётся тебе немножко постучать зубами от холода.

— Но за что? Что я сделало плохого?

Облако билось о стёкла, о стенки кареты.

— Ты сделало кое-что хорошее и за это поплатишься. У нас в королевстве этого не любят. А что касается твоих друзей, то я до них тоже доберусь, не беспокойся!

— Нет, нет, не трогай их! — Облако умоляющее сложило руки. — Они ни в чём не виноваты.

— Ты можешь просить меня сколько угодно, — отвратительно усмехнулся Слыши, — для меня твои слова не больше чем жужжение пчелы над ухом...

Тут карету потряс такой удар грома, что стёкла задребезжали, а лошади, сделав длинный скачок, понеслись стрелой.

В то же мгновение Облако разделилось на тысячу маленьких кусочков.

Карета наполнилась громким жужжанием — Облако превратилось в тысячу пчёл.

Главный советник Слыши в ужасе замахал руками. Но, как известно, это самый наихудший способ спасения от пчёл.

Пчёлы набросились на него со всех сторон.

Пять пчёл ужалили его в нос, семь — в лоб и несчётное количество — в щёки и шею.

Эти пчёлы жалили пребольно.

К тому же, надо добавить, это были не совсем обычные пчелиные укусы. От этих укусов Слыши начало просто подкидывать на подушках. Слыши весь с ног до головы затрясся мельчайшей дрожью.

Дело в том, что у каждой пчелы вместо жала была крошечная молния — Облако разделило свою молнию на тысячу частей.

Пчёлы, зловеще жужжа, кружились вокруг Слыши и с особым удовольствием жалили его знаменитые уши.

Слыши метался, вскрикивал, подскакивал, хватался руками то за нос, то за ухо...

Наконец, не выдержав, он распахнул дверцу кареты.

Пчелиный рой не спеша, с торжественным гудением вылетел наружу.

Слыши от ярости так заскрежетал зубами, что кучер натянул вожжи и обернулся, решив, что произошла какая-то крупная поломка: по крайней мере отскочило колесо или сломалась ось.

Между тем пчелиный рой преспокойно летел над крышами.

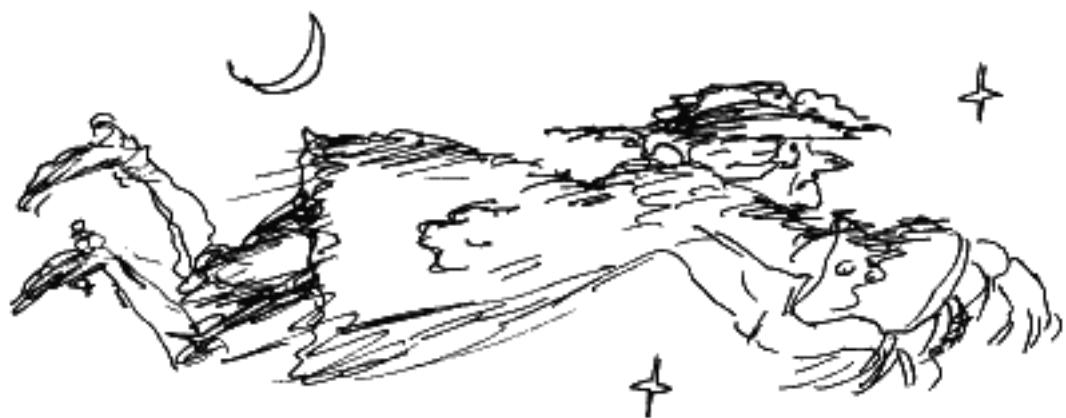
— Поворачивай! За ним! Вдогонку! — прошипел Слыши.

Но улица была слишком узкой, и карета, став поперёк, застряла — ни взад ни вперёд.

Слыши в бешенстве кусал себе ногти, пальцы, руки, глядя вслед Облаку.

Теперь это уже не был пчелиный рой — пчёлы слились во что-то одно длинное и очень знакомое.

Слыши узнал себя. Он узнал свои оттопыренные уши, свои ноги. Ноги были тощие, костлявые, в больших бледно-розовых калошах.

Глава 17

Художник Вермильон знакомится с жабой Розиттой

Облако прилетело домой тихое, присмиревшее. Послушно, без всяких капризов, улеглось под кроватью.

«Вот всегда так: нашумит, нагремит, а потом самому стыдно. Чувствует, что виновато», – подумала Лоскутик, вспоминая, как разозлилось Облако, подслушав её разговор с Сажей.

Но Лоскутик не знала. Облако мучило совсем не это.

– На кого ты сегодня похоже, что-то не пойму, – спросила она, свесившись с кровати и приподнимая край одеяла. – Где только ты такие уши раздобыло? Не знаю, с кем же сегодня ты виделось. Но только сразу скажу – с кем-то очень злым и противным.

Облако не ответило, повернулось к Лоскутику спиной, подтянуло коленки к подбородку.

– Ничего не случилось? – обеспокоилась Лоскутик. – Здорово ли ты? Что-то ты очень розовое.

– Нет, нет, спи, – вздохнуло Облако.

Лоскутик стала уже засыпать, как вдруг в открытое окно влетела летучая мышь. Начала летать по комнате, чертить в воздухе острые треугольники.

Поискала, за что бы ухватиться, чтобы повиснуть вниз головой, не нашла ничего подходящего и вдруг вцепилась Лоскутику в волосы.

Лоскутик осторожно, чтобы не сделать ей больно, разжала холодные лапки, стащила летучую мышь с головы.

Летучая мышь перелетела на шкаф, обиженно пискнула – видимо, ей больше нравилось сидеть, вцепившись Лоскутику в волосы.

Облако неохотно вылезло из-под кровати.

«Пи-пи-пи-ти-ти-ти! – тоненько заскрипела летучая мышь, как маленький ящик, который то выдвигают, то задвигают. – Ти-пи-пи-пи! Пи-ти-ти-ти!..»

Облако с досады даже беззвучно топнуло ногой в большой калоше.

– Тыфу ты! Ну не жаба, а сыщик. Откуда она узнала?

Летучая мышь покачала головой, слетела со шкафа, начертила в воздухе ещё один треугольник и скрылась в окне.

– Что, что узнала? – встревожилась Лоскутик. – Ты о чём?

– Вот пристала, как туман к болоту! – огрызнулось Облако. – Собирайся, пойдём к жабе Розитте.

Лоскутик и Облако на цыпочках прошли мимо комнаты Барбацузы.

Барбацуза во сне стонала и вскрикивала: «Вулкан извергается! Спасайтесь! Бегите! Из него течёт манная каша! О!.. Сколько манной каши!.. Она зальёт весь город, всю землю!..»

Барбацуце и во сне не давала покоя манная каша.

– Знаешь что, – сказало Облако, когда они очутились на улице, – давай зайдём за Вермильоном. Он давно просил познакомить его с жабой Розиттой. – Облако вздохнуло и добавило что-то уже совсем непонятное: – Может, при нём она не будет меня так... Постесняется всё-таки...

Лоскутик не стала его расспрашивать. Она и так видела, что Облако чем-то очень расстроено.

Они подошли к дому Вермильона.

Облако подняло руку.

Рука начала вытягиваться, удлиняться, без труда дотянулась до окна Вермильона, хотя он жил на самом верхнем этаже, под крышей.

Заспанный Вермильон выглянул в окно, увидел Лоскутика и Облако, радостно закивал.

Через минуту он был уже на улице.

Они пошли по пустынным ночным улицам к королевскому парку.

Вспугнутая их ногами пыль поднималась столбами, как будто хотела достать до луны. Бульдоги, сторожившие парк, ещё издали заметили Облако.

Они низко опустили головы, а задними лапами и хвостами станцевали танец полной покорности.

После этого они, скромно глядя в сторону, удалились, делая вид, что ничего не видят и не слышат. Не понадобился даже талантливый носовой платок.

Жаба Розитта, как всегда, сидела на каменной скамье и тяжело дышала от старости.

«Какая поразительная жаба! – восхитился художник Вермильон. – Какая мудрость, какая сдержанность во всём. Надо обязательно написать её портрет. Да-да! Я написал бы её в профиль, освещённую луной. К сожалению, это невозможно. Нет денег, чтобы купить краски...»

Увидев Облако, жаба Розитта сердито затрясла головой и даже выплюнула проглоченного комара.

Комар, обрадовавшись неожиданной свободе, запел дрожащую песенку и исчез.

Облако стояло, виновато опустив голову, накручивало платок на палец.

Лоскутик к этому времени уже научилась немного понимать жабий язык. Во всяком случае, она разбирала отдельные слова.

Жаба Розитта хрюпела, скрипела, каркала и строго стучала сморщенной кривой лапой по каменной скамье:

– Кхи... Кри... Какое... Ква... Ква... Пшиш... Легкомысленное... Пуфф... Скrr... Ушш... Напиться пьяным... Кхх... Стыд... Позор... Кхи... Кхи... Кхи!..

Жаба Розитта раскашлялась так сильно, что больше не могла продолжать.

– Подумаешь... – пробурчало Облако. – Один-то раз в жизни. Ну, выпило этой красной воды. Я даже не помню, что со мной потом было...

Но жаба Розитта даже не посмотрела на Облако.

Она с важностью, как старая королева, указала лапой художнику Вермильону на место возле себя.

Вермильон почтительно присел на краешек скамьи.

– Кви... Ква... Кхи... Кхи? – любезно проквакала Вермильону жаба Розитта.

Вермильон в растерянности оглянулся на Облако.

– Она спрашивает, как вы поживаете, – неохотно объяснило Облако.

Облако обиженно отвернулось, глядя в темноту.

Вид у него был такой, будто оно сейчас улетит куда глаза глядят. Оно уже начало вытягиваться. Это был верный признак, что сейчас оно взлетит кверху.

Облако уже протянуло руку к уху.

– Неважно, совсем неважно, дорогая жаба Розитта, – сказал художник, задумчиво гладя ладонями свои колени. – Сижу без денег. Зарабатываю тем, что хожу во дворец и пишу объявления. Правда, бывают очень забавные объявления. Вот вчера, например, я писал такое... – Вермilion наморщил лоб, вспоминая. – Да-да! Очень забавное объявление. Завтра его расклейт по всему городу: «В понедельник в три часа во дворце состоится благородное состязание водохлёбов. Кто больше всех выпьет воды, получит пять кошельков золота».

– Вот это да!.. – тихо и восхищённо воскликнуло Облако. Глаза у него вспыхнули. – Кто больше всех выпьет воды! Это по мне!

– Не пущу, и не думай, – затрясла головой Лоскутик. – Они тебя поймают!

– Не поймают! Я буду ого каким осторожным!

– Знаю я, какое ты осторожное. Поймают, сунут в кастрюлю – и на огонь. – Лоскутик от ужаса даже зажмурилась.

– Пожалуйста, а я испарюсь и опять стану самим собой.

– А они ещё что-нибудь...

– Да не выдумывай ты!

– Нет, нет, нет! – твердила Лоскутик.

– Да пойми же, глупышка, со мной ничего нельзя сделать! – Облако от нетерпения мягко приплясывало, втягивая в себя сверкающие капли росы. – Меня нельзя ни сжечь, ни убить, ни застрелить, как вас, людей! – Облако взглянуло на Лоскутика, которая стояла с таким видом, как будто зажмурилась на всю жизнь. – Ну ладно уж, слушай. Меня можно погубить только одним: заморозить. Но им-то этого никогда не узнать, пойми. Я же об этом никогда никому не говорила. Только вот вам первым.

Жаба Розитта задумчиво посмотрела на Облако одним глазом. Глаз был выпуклый, прозрачный. Далеко, в глубине, как будто светила зелёная лампочка.

– Ты только подумай, – с мольбой сказало Облако жабе Розитте, заметив её колебания, – я уже столько дней не могу пробраться во дворец. Они закрыли все форточки, замазали щёлки, залепили воском замочные скважины. Ну почему ты считаешь меня таким несерёзным? Ты ещё даже не знаешь, что я придумало. Они никогда и не узнают, что я – это я.

Жаба Розитта медленно кивнула квадратной головой.

– Розиточка! – воскликнуло Облако и бросилось ей обнимать.

На радостях оно высоко взвилось в воздух, перекувырнулось в лунном свете.

Сквозь него, пискнув, пролетела летучая мышь.

Глава 18

Благородное состязание водохлёбов

Объявление, написанное художником Вермильоном, висело на ограде парка, и ветер загибал один его уголок.

Тяжёлые узорчатые ворота были гостеприимно распахнуты.

У ворот стояла толпа. Время от времени от толпы отделялся какой-нибудь человек и робко входил в ворота.

Но таких было немного. Все считали, что от короля всё равно ждать ничего хорошего не приходится и лучше держаться от всего этого подальше.

Но всё-таки в конце концов желающих набралось не так мало. Тут были и бедняки, которым нечего было терять.

Они просто надеялись хоть раз в жизни вдоволь напиться воды.

Конечно же, сюда явились и богачи. Вода была для них не в диковинку. Они привыкли много пить и мечтали завладеть пятью кошельками золота.

У входа в главный зал всех участников состязания встречали два дюжих стражника: Рыжий Верзила и Рыжий Громила в огромных безобразных калошах. Они бесцеремонно ощупывали каждого, кто входил в дверь.

Рыжий Верзила хлопал входящего по плечу. Рыжий Громила хватал участника благородного состязания за руки и держал его, пока Рыжий Верзила, наклонившись, ощупывал его коленки и башмаки.

Если бы кто-нибудь заглянул за тяжёлые занавески у дверей, он обнаружил бы там главного советника Слыши.

Припав глазом к щели между занавесками, облизывая пересохшие от нетерпения губы, он жадно оглядывал каждого входящего.

— Я всё рассчитал... — шептал он еле слышно. — Облако прилетит. Оно не утерпит, не выдержит, знаю я его. Оно может притвориться кем угодно, но всё равно его сразу узнаешь на ощупь. Но где же оно? Может, вот это Облако?

Нет, это господин главный тюремщик. А это дядюшка Буль. Говорят, он продаёт разбавленную воду. А чем он её разбавляет? Воздухом?.. И это не Облако. И это не оно...

Вот кто явился: продавец придворных калош. Смотрите-ка, даже мастер зонтиков пожаловал! А Облака всё нет. Это не оно. И это не оно. И это не оно. Какой-то стариашка с седой бородой, в зелёной засаленной куртке. Вот Рыжий Громуила хлопнул его по плечу. Он так и присел, бедняга.

А это Один-Единственный Нищий. Притащился воды похлебать. Рыжий Верзила чуть не сбил его с ног. Нет, это не Облако, это человек из плоти и крови. И это не оно.

А больше никого нет. Неужели... неужели я просчитался и Облако так и не прилетело?

В разгар этих тревожных мыслей знаменитые дворцовые часы, подумав, пробили три раза. Многие отметили, что на этот раз часы думали как-то особенно долго.

Двенадцать трубачей вскинули золочёные трубы и затрубили. Вернее, затрубили только одиннадцать, из трубы двенадцатого вылетел фонтан воды.

Король, сидящий на троне, широко зевнул и топнул ногой в золотой калоше.

Участников благородного состязания впустили в зал.

Богачи расположились поближе к королю, бедняки жались к стенам. Стариашка с седой бородой скромно забился в угол.

Слыши вздохнул и вышел из-за занавески.

— Итак, начнём! — прошептал он. — Кто много пьёт — тот истинный друг короля! Начнём же наше благородное состязание!

Вошли слуги, держа на подносах бокалы с водой.

Все стали жадно расхватывать бокалы.

Как только кто-нибудь ставил пустой бокал на поднос, слуга тут же с почтительным поклоном подавал ему большое деревянное кольцо.

Бедняки, не привыкшие пить, с трудом смогли осушить по пять бокалов.

Один-Единственный Нищий еле выпил три бокала. Он с грустью глядел на четвёртый и никак не мог заставить себя допить его до дна.

Дубильщик кож так удивительно выдубил кожу на своём животе, что живот его мог растягиваться до невообразимых размеров.

Он выпил уже тридцать пять бокалов и с торжеством поглядывал вокруг. На руках и даже на шее у него болтались деревянные кольца.

«Мои милые золотые монетки, — думал он, — цып-цып-пып, мои золотые цыплятки! Я устрою вам славный курятник в моём сундуке!»

Продавец придворных калош выпил десять бокалов, а одиннадцатый незаметно вылил на пол. Но Слыши заметил это, и продавец придворных калош так и не получил одиннадцатого кольца.

Главный тюремщик уговаривал сам себя:

— Ну, мой миленький, любименький! Ну-ка, из любви к себе выпей ещё бокальчик! Ну-ка, за мамочку! А это за папочку! Что, больше не можешь? А я-то думал, что ты эгоист и из любви к себе выпьешь больше всех!

Разорившийся продавец зонтиков, костлявый, длинный, сам похожий на нераскрытый зонтик, держал в руке бокал с водой и не мог сделать ни глотка. Он смотрел на него полными слёз глазами и думал о своей засохшей маргаритке.

А вокруг звенели бокалы и сухо щёлкали деревянные кольца.

Дубильщик кож выпил уже семьдесят два бокала, и его камзол разъехался по всем швам.

Многие лежали на полу кверху животами.

У дядюшки Буля, как у утопленника, из носа и изо рта текла вода.

— Что делать, господин советник, кольца кончаются, — сказал на ухо Слыши главный слуга.

— Не может быть, — прошептал Слыши. — Мы заготовили пять тысяч колец.

Слуга молча показал пальцем куда-то в угол.

— Что это? — бледнея, прошептал Слыши.

Все, кто ещё мог повернуть голову, посмотрели в сторону, куда глядел главный советник.

Дубильщик кож уронил семьдесят третий бокал.

Скромный старичик с белой бородой, сидевший в углу, был весь завален деревянными кольцами. Собственно говоря, стариичка вообще не было видно. Вместо него была огромная куча колец, под которой что-то шевелилось и откуда слышалось невнятное бормотание. Из груды колец с трудом высунулась рука и взяла один бокал.

Кольца разъехались в разные стороны, показалась голова стариичка и его борода. Борода растрепалась, распушилась.

— Ещё парочку бокалов, и всё, — строго сказал сам себе старичик и погладил рукой бороду.

Слыши протёр глаза.

«Мне кажется, борода этого старикашки растёт прямо на глазах... — подумал он. — Нет, поистине я схожу с ума...»

Дубильщик кож в ярости ударил себя кулаком по животу. В его животе гулко плеснулась вода.

А старичик, что-то шепча себе под нос, выпил ещё пять бокалов, взял шестой и строго сказал сам себе:

— Хватит, хватит! Это последний бокал, даю честное слово!

Он даже не взял протянутые слугой шесть колец.

Победа была полной.

Перешагивая через лежащих на полу участников благородного состязания, Слыши подошёл к стариичку.

– Разрешите пожать вашу руку!.. – прошептал Слыш, пронзительным взглядом впива-
ясь в лицо старичка.

Старичок усмехнулся и крепко пожал Слышу руку.

Слыш помертвел, покачнулся, нос у него стал белее сахара.

Под звуки труб старичку торжественно вручили пять кошельков с золотом. Тот пре-
спокойно рассовал их по карманам своей старой зелёной куртки.

Слуги подхватили под руки перепивших, поволокли из зала. От их пяток по полу, зали-
тому водой, разбегались маленькие волны.

Старичок, не без труда перебравшись через гору колец, пошёл к двери. Кончик бороды
он засунул в карман.

За дверью Рыжий Верзила захочотал, разинув пасть, ударил себя по бокам:

– Ха-ха-ха! Эй, Громила! Ну и бородёнка у старишки. Презабавная бородёнка. Он
повернёт голову, а она не поспевает, отстаёт. А потом, не сойти мне с места, старишкина
борода кончиком сама залезла в бокал – раз! – и бокал пуст!

– Что?! – прошептал Слыш, появляясь неизвестно откуда. Он, как всегда, слышал всё,
что говорится в любом уголке дворца. – Борода сама пила воду?!

Слыш хлопнул в ладоши.

По всему дворцу тревожно затрещали звонки. Двери сами собой захлопнулись. Страж-
ники скрестили алебарды, препрепядив выход всем, кто ещё не успел уйти.

– Схватить старика с белой бородой! – приказал Слыш. – Задержать его во что бы то
ни стало. Он не мог скрыться, он шёл последним.

Стражники бросились в толпу.

Но старика с белой бородой нигде не было. Был, правда, пожилой человек в зелёной
засаленной куртке, но без всякой бороды.

– Оно опять обмануло меня, обхитрило!.. – простонал Слыш. – О, как я его ненавижу!

Нисколько не сомневаюсь, мой дорогой читатель, что ты давно уже догадался, кто был
этот странный старичок с седой бородой.

Ты совершенно прав! Ну конечно, конечно же, это был художник Вермильон. Ему
ничего не стоило нарисовать себе великолепные морщины.

А его белая борода – это был наш друг, наш общий друг – Облако!

Художник Вермильон благополучно выбрался из дворца – никто и не думал его задер-
живать. Карманы ему оттягивали тяжёлые кошельки, но это не радовало его.

«Куда же девалось Облако? Я даже не заметил, как оно слетело с моего подбородка, –
думал он в тревоге. – Опять оно что-нибудь натворит. Ведь оно такое легкомысленное, увле-
кающееся. Можно сказать: у него ветер в голове, вернее, вода...»

Глава 19

Путешествие на блюде манной каши

Итак, кто хочет узнать, что дальше случилось с Облаком, за мной, за мной!

А кто не хочет, пусть закроет эту книгу и поставит на полку, только не бросает как попало.

Расставшись с подбородком своего друга, Облако тут же превратилось в большую белую вазу.

Ему было просто необходимо хоть немного передохнуть и прийти в себя.

«Теперь я не улечу из дворца, пока хоть что-нибудь не разузнаю о тайном источнике!» – вот о чём думала белая ваза, но этого, конечно, никто не знал.

– Что это? – возмутился главный украшатель дворца, проходя мимо. – Кто и когда без моего ведома поставил сюда эту белую вазу? Она совершенно не в стиле этого зала. Надо хотя бы поставить в неё цветы, чем-то оживить её.

Да-да, букет красных роз, вот что спасёт положение!

И он отправился за букетом.

«Не знаю, как другие, но я совсем не люблю, когда в меня ставят букеты красных роз», – беспокойно подумало Облако.

Но через зал всё время сновали придворные, и перелетать с места на место было небезопасно.

Мимо Облака, шаркая ногами и разбрызгивая воду, прошёл слуга, держа над головой золотое блюдо с горячей манной кашей.

«Вот уж кем мне никогда не приходилось быть, так это манной кашей», – подумало Облако.

Оно тут же незаметно взлетело кверху и уселось прямо на манную кашу. Это оказалось не очень-то приятным.

Манная каша была только что с огня и изрядно припекала ему спину и пятки.

Слуга, который нёс блюдо, был очень робкий, можно даже сказать, трусливый человек. Он всего пугался и от страха начинал тухо соображать и плохо слышать.

Поэтому всё приходилось повторять ему несколько раз.

Ему постоянно кричали:

– Иди на кухню! Эй, кому говорят, иди на кухню!

Или:

– Блюдо давай! Кому говорят, блюдо, блюдо давай!

Или:

– Кому говорят, неси кашу!

Постепенно все так привыкли кричать ему «Кому говорят!», что это стало его именем, и никто уже иначе его не называл, как «Комуговорят».

«Не знаю, достаточно ли это надёжное место, – рассуждало Облако, проплывая вместе с манной кашей из зала в зал, – если король зачерпнёт меня ложкой и отправит в рот... Не представляю себе, что из этого получится... Нет, надо быстренько что-то придумать...»

Облако перегнулось вниз и страшным голосом прошептало слуге на ухо:

– Сейчас ты споткнёшься и уронишь блюдо с манной кашей!

Слуга побледнел, споткнулся, но блюда всё-таки не уронил. Он в испуге огляделся по сторонам, но, конечно же, никого не увидел.

«Похоже, что это привидение, – со страхом подумал слуга. – Я никого не вижу – значит, никого нет. Но всё-таки я кого-то слышу – значит, кто-то есть. А если никого нет, а вместе с тем кто-то есть – значит, это типичное привидение!»

– Кому говорят, сейчас же споткнись и урони блюдо! – снова провыло Облако.

«Привидение уже знает моё имя! – ужаснулся слуга. – А если привидение кого-нибудь зовёт по имени, тому уж несдобровать».

Он снова споткнулся, затрясся всем телом и с невероятным трудом удержал блюдо над головой.

Шатаясь, он вошёл в главный зал, где уже сидел король и в нетерпении крутил головой, в то время как трое слуг, мешая друг другу, завязывали ему белоснежную салфетку вокруг шеи.

– Кому говорят! Сейчас же споткнись и урони манную кашу! – жутким голосом провыло Облако прямо ему на ухо.

Несчастный Комуговорят не выдержал.

Носок его левой ноги зацепился за правую пятку. Бедняга споткнулся на ровном месте. Блюдо наклонилось...

Короче говоря, произошло следующее: Комуговорят, золотое блюдо и горячая манная каша – всё полетело на пол.

Раздался всеобщий крик.

Золотое блюдо загремело и задребезжало.

Манная каша грузно шлёпнулась на пол, обдав всех тяжёлыми белыми брызгами.

Одни загородили лица руками, другие бросились оттирать камзол короля, и никто не заметил, как Облако проплыло над их головами и повисло на окне в виде тончайшей кружеvной занавески.

Глава 20

Облако узнаёт тайну короля, что очень хорошо, и теряет свободу, что очень плохо

Наступила ночь.

Не будем скрывать, Облаку было неуютно и даже немного жутко одному в пустом зале.

Иногда к окну подлетали летучие мыши, открытыми ртами на миг прилипали к стеклу, потом отваливались, исчезали в темноте.

Несколько раз ударял крылом о стекло старый филин Ночной Философ, приятель Облака. Что-то пробовал сказать, предостеречь, что ли, но разобрать было нельзя.

Чёрный, заплыvший жиром королевский кот, который лежал свернувшись клубком в кресле, приоткрывал зелёные щёлки глаз, неодобрительно поглядывал на Облако.

«Что я, в самом деле! – рассердилось на себя Облако. – Совсем раскисло. Надо взять себя в руки...»

Облако облетело весь зал. Внимательно оглядело всё, каждый угол, каждую щель, заглянуло повсюду.

Но нигде не было ни рычага, ни дверцы, ни секретной замочной скважины. Ничего.

«Неужели, неужели я так и не узнаю эту тайну? – с отчаянием подумало Облако. – С таким трудом проникнуть во дворец – и напрасно. А мне всё время казалось, он здесь, тайный источник здесь, во дворце. Значит, это ошибка. Нет, никогда не надо верить предчувствиям. Даже облачным...»

Облако сделало ещё один круг по залу и повисло над чёрным котом.

Вообще-то кошачье племя терпеть не могло Облако, считая его близким родственником дождю и лужам. Поэтому Облако никогда не вступало с котами в разговоры.

Но это была последняя надежда.

— Эй, кот! — окликнуло Облако чёрного кота. — Ты ведь здешний. Послушай, может, ты знаешь: откуда берёт король столько воды? Нет ли тут тайного источника?

— Может быть, и есть, — фыркнул кот, брезгливо дёрнув шерстью на спине, когда Облако пролетело над ним.

— Источник? И ты знаешь, где он? — воскликнуло Облако. От волнения оно трижды перевернулось в воздухе.

— Может быть, и знаю. — Кот приоткрыл ослепительные зелёные щёлки глаз.

— Тогда будь другом, скажи! — Облако присел на ручку кресла.

— С какой это стати я буду открывать тайны своего хозяина, своего любимого хозяина? Ни за что в жизни! Никогда. Я не предатель, — оскорблённо фыркнул кот и неожиданно добавил: — Давай мышь, тогда скажу!

— Превратись в мышь. Скорей! — шепнуло Облако своему носовому платку.

— Не желаю! — заупрямился носовой платок. — В кошку — с удовольствием.

— Один раз, пожалуйста, — прошептало Облако торопливо. — Это очень важно.

— Ладно уж!.. — буркнул носовой платок.

И тотчас из-под кресла, где мирно лежал кот, выбежала мышь. Вертляво, суетливо побежала по полу.

— Говори, говори, где источник? — закричало Облако. — Сперва скажи!

Но кот и не слушал его. Одним скачком, как будто под шкурой у него была туго сжатая пружина, перелетел половину зала.

Ещё прыжок. Кот настиг мышь — раздался вопль разочарования.

— Мошенник! — зашипел кот.

Где-то вдалеке послышались шаги.

Облако заметалось по залу в растерянности, не зная, куда спрятаться.

Шаги приближались.

В углу стояла белая мраморная русалка с чешуйчатым хвостом. Облако нырнуло в другой угол, превратилось в точно такую же русалку и тоже встало на хвост.

Знаменитые часы под стеклянным колпаком задумались, перестали тикать, наконец печально пробили три раза.

Двери распахнулись.

Вошли двое.

Один нёс фонарь, обернув его краем плаща.

Дверь за собой закрыли плотно, фонарь поставили на стол.

Теперь Облако могло их хорошенько рассмотреть. Это были король и его главный советник Слыш.

«Интересно, почему это они не спят? — удивилось Облако. — Насколько я знаю людей, их просто невозможно вытащить среди ночи из постели. Будут без конца потягиваться, зевать, охать. Это мы, облака, без отдыха ходим по небу и днём и ночью».

— Итак, дорогой Слыш, Облако опять тебя перехитрило, — сказал король кислым голосом. — К тому же мне пришлось напоить водой кучу оборванцев. Не говоря уже о пяти кошельках золота...

Чёрный кот, возмущённо и жалобно мяукая, стал теряться о калоши короля. Он указывал мордой на русалку, с ненавистью фыркал и косил в её сторону зелёными глазами.

Но мысль о пяти потерянных кошельках с золотом приводила короля в такое раздражение, что он, не обратив внимания на своего любимца, отшвырнул его ногой.

Слыш прижал костлявый кулак ко лбу.

– Конечно, старик с бородой было Облако. Это несомненно. Но ведь я пожимал ему руку, вот как вам...

Слыш хотел пожать руку королю, но тот презрительно оттолкнул его.

– Если ты не изловишь Облако, твоя песенка спета. Запомни это, Слыш! А теперь довольно болтологии. Пора пускать воду!

«Воду?! – изумился Облако. Оно покачнулось на хвосте и чуть не потеряло равновесие. – Как это – воду?»

То, что произошло дальше, было совершенно невероятно. Облако решило, что всё это просто-напросто облачный сон.

Король и Слыши подошли к трону.

Облако как можно шире раскрыло свои русалочки глаза.

Как ты уже знаешь, на спинке трона был королевский герб – золотое ведро с надписью: «Вода принадлежит королю».

Слыши, встав одним коленом на трон, с трудом, с усилием повернул тяжёлое золотое ведро, так что оно встало кверху донышком.

Послышался скрежет колёс какого-то скрытого под полом механизма... Вздохи и скрип насоса.

Слыши отскочил в сторону.

Королевский трон вместе с массивной мраморной плитой, на которой он стоял, поднялся вверх и отодвинулся в сторону.

Облако изо всех сил вытянуло шею.

На том месте, где прежде стоял трон, открылась чёрная квадратная дыра.

Послышался отдалённый грохот, перешедший в плеск и журчание.

Король заглянул в чёрный колодец.

– Сюда, сюда, моя водичка! – пробормотал он, потирая руки. – Иди сюда, моё золотце! Все мечтают о тебе: сухие глотки, пересохшие кишki. Ты снишься всем: людям и птицам, собакам, деревьям. Но ты моя, только моя!..

– Ваше величество, – озабоченно сказал Слыши, заглядывая в колодец через плечо короля. – Вы не замечаете, что воды с каждым годом становится всё меньше? Подземный источник, после того как вы заперли его, роет себе новое русло. Он уходит всё глубже и глубже под землю.

– А... – беспечно махнул рукою король. – Лет на сто воды хватит. Для меня и моего сына.

– А после?

– Что мне думать о том, что будет после? Лишь бы сейчас наполнить подвалы золотом.

Внизу в темноте что-то блеснуло, похожее на жидкое зеркало. Оно поднималось всё выше и выше, перелилось через край, волнами побежало по полу.

Это была вода.

Она закрутилась водоворотами вокруг чёрных калош Слыши.

Вода по пути сама распахнула двери. Она потекла из зала в зал и дальше, вниз по мраморной лестнице.

И тут Облако не выдержало. Оно забыло об осторожности и благородстве.

– Вода! Вода! Вода! – закричало Облако и заплясало на своём русалочьем хвосте.

Но если беспечное Облако забыло обо всём на свете, то кое-кто соображал быстро и точно.

– Оно! – шёпотом вскрикнул Слыши, указывая на Облако кривым пальцем.

В мгновение ока он дёрнул какой-то шнурок.

Двери захлопнулись. По всему дворцу задребезжали звонки. Послышался топот ног, лязг оружия.

Облако в растерянности взлетело к потолку и там повисло, обвиввшись хвостом вокруг люстры.

– Оно узнало мою тайну! – прохрипел король. Было видно, что ещё немного, и он начнёт пускать пузыри.

Слыши быстро повернул золотое ведро на спинке трона.

Трон и мраморная плита встали на место.

– Попалось, голубчик! – прошептал Слыши, переводя дух. – Тебе отсюда не выбраться. Превращайся в кого угодно, нас не запугаешь.

– Посмотрим! – воскликнула русалка и вдруг опустилась вниз густым туманом. Всё скрылось из глаз. Туман был густой, как молоко.

– Где я? – блуждая в тумане, закричал король. – Я заблудился! Где моё королевство? Где мой трон? Слыши, ко мне!

– Я тут, ваше величество! – Слыши, вытянув вперёд руки, бросился на королевский голос. Но, к сожалению, он угодил пальцем прямо в глаз королю.

– Вы ещё не знаете, какой я замечательный парикмахер! – гулко захохотал туман. Голос шёл сразу со всех сторон – сверху, снизу, из всех углов зала. – Сейчас я вам устрою прелестные причёски!

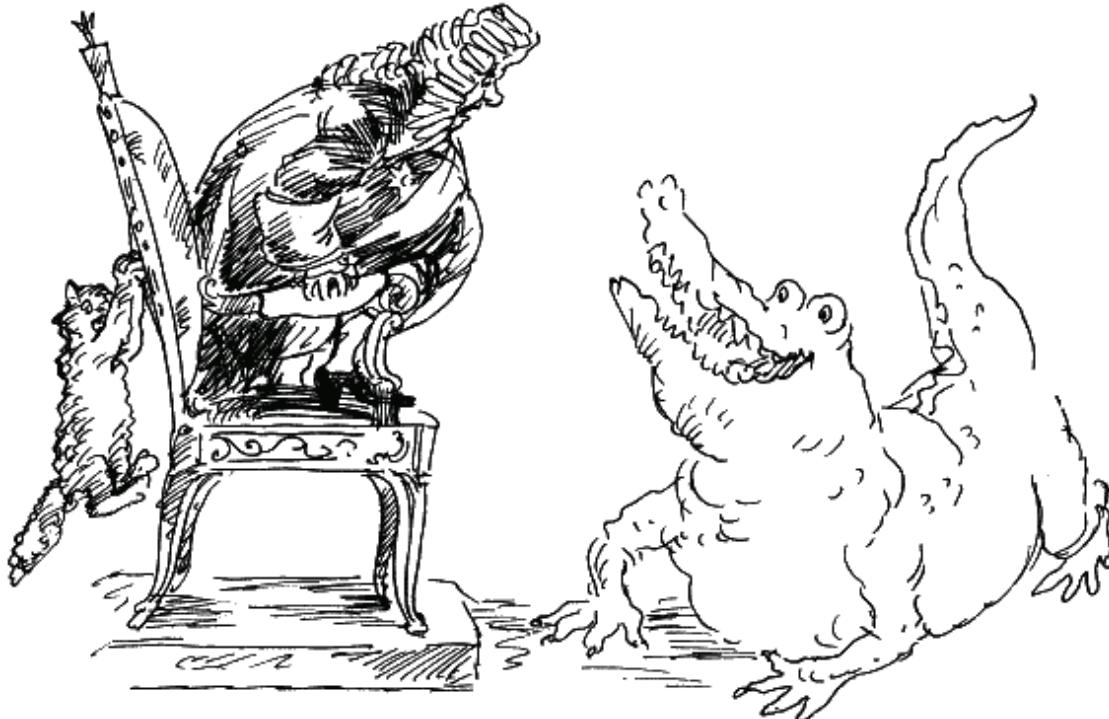
В тот же момент волосы Слыши и короля, потрескивая, встали дыбом. Жирный королевский кот вскочил на спинку кресла. Вся шерсть на нём взъерошилась самым необыкновенным образом. Он превратился в чёрный пушистый шар с двумя зелёными огнями. Кот жалобно замяукал, пуская во все стороны искры.

– Нет, быть туманом – это не в моём характере! – послышался голос Облака. – Туман – это что-то жидкое, добroe и глупое. А мне хочется быть сейчас кем-нибудь страшным и кусачим...

И тотчас туман стал редеть, как будто молоко разбавили водой. Из тумана прступил трон, золочёные кресла, чёрные окна.

Через мгновение туман исчез.

И тут все увидели посреди зала огромного белого крокодила. Крокодил разинул зубастую пасть. Волоча брюхо по полу, извиваясь всем телом, он пополз на короля.

Король с ногами забрался на трон.

Кот, шипя, как огнетушитель, повис на мягкой обивке кресла.

– Не пугайтесь, ваше величество! Это всего-навсего Облако, – задыхаясь, прошептал Слыши. – Серое, некультурное Облако. Оно умеет только летать над деревьями и поливать дождём убогие деревенские крыши. Я предложил ему сыграть в карты, но оно струсило и улетело. Уверяю вас, оно не умеет ни читать, ни писать. Оно даже не знает, что такое часы и для чего они...

— Я не знаю, что такое часы? — вне себя от возмущения рявкнул крокодил. — Да знаешь ли ты, что все башенные часы на свете мои друзья! Я знаком с их стрелками.

Я качался на их маятниках. А они рассказывали мне, что такое время и почему его нельзя остановить.

— Врёшь, врёшь, врёшь! — прошептал Слыш. — Нашёл дурака. Никогда не поверю. Вот часы. А ну-ка скажи, сколько времени?

— А вот и скажу!

— А вот и нет!

— А вот и да!

Из огромного камина посыпалась копоть. В чёрном облаке из трубы вывалился Сажа. Он шлёпнулся прямо в золу. Из чёрного стал серым.

— Сюда! — крикнул он Облаку, протирая глаза и кашляя. — Улетай в трубу, спасайся!

Король схватил Сажу за руку:

— Я поймал шпиона!

Но так устроен мир, что ни один король на свете не может удержать за руку ни одного трубочиста. Сажа вывернулся и бросился к Облаку:

— За мной! Облако, миленько, скорее!

— Сначала я докажу этому невежде, что он ничего не понимает в облаках! — Крокодил, возмущённо отдуваясь, пополз к часам.

Умные часы старого мастера затикали громко и взволнованно. Конечно, они хотели предостеречь Облако, предупредить об опасности. Но, видно, Облако от обиды совсем потеяло голову.

— Сейчас ты увидишь, что такое настоящие Облако! — рычало оно. — Часовая стрелка прошла цифру три... Уф! Я докажу тебе! Теперь минутная стрелка... Погоди, погоди, дай подумать...

От усилия Облако само стало похоже на часы.

— Я даже сниму колпак, чтобы тебе было лучше видно! — Слыш на цыпочках подошёл и снял стеклянный колпак, предохранявший часы от сырости.

Мудрые часы тревожно замолчали, а потом пробили тринадцать раз, что делают часы только в самых исключительных случаях.

— Три часа двадцать пять минут. Что, видишь? — с торжеством воскликнуло Облако.

В этот момент Слыш шагнул к Облаку и ловко накрыл его стеклянным колпаком.

— Вот и всё, ваше величество! — тихо и устало сказал Слыш. — Теперь займёмся трубочистом.

Но Сажи нигде не было. Только из каминной трубы падали невесомые чёрные хлопья.

Облако закрутилось внутри тесного колпака. Побелело, как взбитые сливки. Его стрелки бешено завертелись, обгоняя друг друга.

— Ну и буду сидеть тут! Мне тут как раз очень нравится! — крикнуло Облако. Голос его из-под колпака доносился глухо и слабо. — Всё равно вы со мной ничего не сделаете!

— Ты так думаешь? — с наслаждением прошептал Слыш. Он сказал это совсем тихо. Но чем тише он говорил, тем лучше его было слышно. — А мы тебя заморозим!

— Откуда знаешь? — Облако задрожало.

— Да так... Сказало одно пьяное Облако... — небрежно сказал Слыш. Но в глазах у него загорелись злоба и торжество.

— Погибло... — простонало Облако. — Я так и знал, что в конце концов всё кончится очень плохо...

Стрелки его остановились.

Глава 21

О том, как жаба Розитта очутилась на столе у Барбацузы

Лоскутик плакала.

Мало сказать плакала – она рыдала. Она рыдала уже пять часов подряд. Нос у неё распух, а веснушек стало в два раза меньше.

Лоскутик затыкала себе рот ладонями, бросалась лицом в подушку, но не могла остановиться.

Над ней, воинственно сжав кулаки, стояла Барбацуза.

Она пробовала успокоить Лоскутика, как ей казалось, самыми верными и надёжными способами: несколько раз съездила её по затылку, дёргала то за одну косичку, то за другую. Но даже это не помогало.

Тогда Барбацуза схватила Лоскутика, повернула к себе и затрясла так яростно, что остаётся только удивляться, каким образом голова Лоскутика осталась на плечах, а не вылетела, например, в окошко.

– Говори, что случилось!

Лоскутик продолжала рыдать.

– Отвечай, негодяйка!

Лоскутик только заливалась слезами.

Тут Барбацуца повела себя самым странным и неожиданным образом. Из груди её вырвался хриплый стон. Она обхватила Лоскутика костлявыми руками, прижала к себе, задышала всё чаще и чаще и вдруг тоже зарыдала.

– Пожалей ты меня, старуху... Не могу слышать, как ты плачешь! Не могу! Помираю! Хоть скажи, что случилось?

И вот тогда Лоскутик, не переставая плакать, рассказала ей о своей дружбе с Облаком, о Вермиллоне и Саже. И о том, что Облако улетело во дворец и пропало.

Барбацуца оглушительно высморкалась в подол юбки.

– Что же мы сидим сложа руки? Бежим к этому Вермиллону или как его там! Где моя шаль?

Барбацуца начала метаться по комнате, с удивительной ловкостью опрокидывая стулья и скамейки.

– Очень мне надо – искать это Облако! – бормотала она. – Что такое Облако? Сырость, слякоть, пустота, так – пшик, и больше ничего! Ох, старая дура, с кем на старости лет связалась... С девчонкой и сыростью!

В стекло ударила горсть песка. Барбацуца распахнула окно.

– Не твой ли это художник? Волосы долгие, сам в краске.

Под окном действительно стоял художник Вермильон.

– А ну иди сюда, мазилка! Да поторапливайся! – крикнула ему Барбацуца.

Вермильон вошёл в комнату. В руке он нёс маленький клетчатый узелок. Собственно говоря, это был носовой платок, в котором что-то шевелилось.

Вермильон бережно положил узелок на стол, развязал его. В узелке оказалась жаба Розитта. Она хрипло и утомлённо дышала. Живот её раздувался и опадал. Глаза глядели встревоженно и серьёзно.

– Что?! – завопила Барбацуца. – Жабу ко мне на стол?! Тьфу! Тьфу! Тьфу! Прочь эту гадость! Выкинь в окошко!

Барбацуца ухватилась за угол платка и дёрнула изо всех сил, но Лоскутик успела подхватить жабу Розитту в воздухе. Прижала её к груди:

– Это жаба Розитта! Она друг Облака!

– Ох я старая карга! – Барбацуца воздела руки к потолку с таким видом, как будто только потолок мог её понять и посочувствовать. – С кем связалась! С девчонкой, Облаком, мазилкой и жабой! Нет, пора из меня сварить бульон! Давно пора!

Жаба Розитта закашляла, заскрипела на руках у Лоскутика:

– Кхи... Кри... Пхи... Трр... Фрр... Ква...

– Она говорит, – объяснила Лоскутик, – что никто ничего не знает. Летучие мыши всё забыли, потому что слишком долго висели вниз головой. Ночной Философ его видел. Облако превратилось в занавеску и висело на окне. Но потом принесли лампу, и он больше ничего не мог разглядеть.

На окно сел чёрный голубь. Чёрный, как ворон. От его лап на подоконнике остались чёрные крестики.

– Это не мой голубь! Кыш! Пошёл! – завопила Барбацуца.

– Это голубь Сажи! – воскликнула Лоскутик.

И правда, под окном стоял Сажа.

Можно было подумать, что Барбацуца от ярости тут же разорвётся на тысячу кусков.

– Я всё думала, чего же мне не хватает! Теперь я знаю. Трубочиста! Именно трубочиста! Нет, пора меня провернуть сквозь мясорубку и наделать из меня котлет!

– Можно я его позову? – взмолилась Лоскутик.

— Зови его, зови! — Барбацуца с мрачным видом скрестила на груди руки. — Мне уже всё равно. Пусть сюда идут жабы, художники, жулики, пожарные, сороконожки и трубочисты. Не обращайте на меня внимания, прошу вас. Я просто начинка для пирогов, не более того.

Сажа вошёл в комнату. Он был похож на скелет, к тому же выкрашенный чёрной краской. От ветерка, влетевшего в окно, он покачнулся.

— Ну что? Что-нибудь знаешь? — нетерпеливо спросила Лоскутик.

— Я пять дней сидел в трубе, — еле слышно сказал Сажа. — Я думал, уже навсегда пришла ночь. Я почти поверил в это. А кормил меня мой голубь. Воровал крошки на кухне.

— Вот тебе, вот! — Барбацуца с такой силой заехала самой себе по лбу, что на лбу тут же вздулась здоровенная шишка. — Связалась с девчонкой, плесенью, мазилкой и жабой! Тьфу! — Она со злобой посмотрела в сторону жабы Розитты. — Теперь ещё корми голодных трубочистов!

Барбацуца бегом бросилась на кухню и через минуту вернулась с целым блюдом поджаристых пирожков.

— Ешь, сейчас же ешь! — зарычала она.

— А Облако? Ты ничего не знаешь о нём? — с тоской спросила Лоскутик.

— Разве я не сказал? — Сажа печально посмотрел на Лоскутика. — Они накрыли его стеклянным колпаком... А потом они сказали: «Мы тебя заморозим!»

Жаба Розитта подняла голову и с отчаянием квакнула. Из глаз её выкатились две прозрачные зелёные слезы.

Вермильон в отчаянии отвернулся.

— Всё пропало... — прошептала Лоскутик. — Больше я его никогда не увижу, моё Облако...

В комнате наступило молчание. Так молчат люди, когда приходит большое горе и когда ни один не знает, чем утешить другого.

— А я знаю! — вдруг закричала Барбацуца. — Как же я сразу не догадалась? Почему стражи у погреба? Почему пушки? Почему никого даже близко не подпускают? Значит, оно там, это ваше сокровище!

— А там нет трубы? Хоть самой узкой? — наивно спросил Сажа. Он всё вертел в руке пирожок, так и не надкусив его.

— Скажешь тоже, обгорелая ты спичка! — презрительно фыркнула Барбацуца. — Если труба, так должна быть печка. А какие в леднике печки?

— А может быть, всё-таки можно как-нибудь?.. — с отчаянием сказала Лоскутик.

— Никаких как-нибудь! — резко ответила Барбацуца. — Туда никого не пускают. Ясно?

— А если вы попробуете?

— И пробовать не буду!

— Но...

— И не проси! — отрезала Барбацуца. — Говорят тебе, ничего сделать нельзя! Об этом Облаке надо забыть.

Глава 22

Может ли король есть манную кашу, сваренную на воде?

На кухне было жарко, как в аду.

Лица у поваров были ярко-малиновые, у поварих – красные, у поварят – розовые. Только Лоскутик была зеленовато-бледной.

Барбашуца в первый раз взяла её с собой во дворец.

Лоскутик со страхом смотрела на огромную плиту. Плита шипела и пыхтела, как дракон, у которого вместо голов были кипящие кастрюли и брызжущие жиром сковороды.

Король готовился к пиру.

– Мы будем сегодня праздновать, – объявил король своим придворным, – но праздновать неизвестно что. То есть я-то, конечно, знаю, что именно, но вам это знать совсем не обязательно. Мы будем сегодня пить вино за что-то и радоваться чему-то. А кто не захочет радоваться вместе с нами, прямиком отправится в тюрьму.

Итак, в духовке вздыхали воздушные пироги, подрумянивались надетые на вертелы бесчисленные индейки и утки, что-то очень интересное нашёптывал шоколадный торт. Коричневые пузыри вздувались и лопались. Из каждого лопнувшего пузыря вылетало сразу, по крайней мере, пятнадцать прекраснейших ароматов.

Поэтому нет ничего удивительного, что на крышеах всех городских домов сидели драчные коты и кошки, повернув чуткие носы в сторону королевской кухни. Они жмурились и облизывались.

– Дорогая Барбашуца! – сказал главный повар, на цыпочках подходя к ней. – И всё-таки самое главное блюдо должны приготовить именно вы. Вы должны сварить вашу божественную манную кашу. Для этого уже привезли пять бидонов молока.

Барбашуца заглянула во все пять бидонов. С недоверчивым видом понюхала молоко. Потрясла над бидонами руками.

Затем зачерпнула поварёшкой молока из одного бидона, отхлебнула немного, да вся так и передёрнулась.

— Оно же кислое! — прорычала она.
Попробовала молока из второго, вся сморщилась:
— И это кислое!
Попробовала из третьего, из четвёртого...
— Что вы мне подсовываете? Это же простокваша!
Во всех пяти бидонах оказалось скисшее молоко.
Главный повар встревожился не на шутку.
— Что такое? Отчего оно могло скинуться? — спросил он, немного бледнея.
— «Отчего, отчего»! — передразнила его Барбацуца. — Какую жарищу развели! Я сама тут чуть не скинула, не то что молоко!
Главный повар побледнел окончательно.
— Дорогая Барбацуца, я немедленно прикажу всем королевским коровам подоиться ещё раз. Будьте спокойны, я их заставлю. Молоко будет.
— А оно опять скинет, — ехидно ухмыльнулась Барбацуца. — Нет, придётся сегодня сварить манную кашу на воде.
— На воде?! — Не только глаза, но и стёкла очков у главного повара стали испуганными. — Да ни один король на свете никогда не ел манной каши на воде!
— А нашему сегодня придётся её отведать. Ничего не поделаешь. Каша на воде...
— Нет, нет, не говорите этих страшных слов! Неужели ничего нельзя придумать?
— Ничего! — решительно рявкнула Барбацуца.
— Но всё-таки, умоляю вас!
— Нет, нет, сделать ничего нельзя. Хотя, впрочем...
— Что? Что? Да говорите же!
— Если принести... Да нет, это невозможно.
— Нет, дорогая Барбацуца, вы всё-таки скажите!
— Если принести из погреба льда и поставить молоко на лёд, тогда оно не скинет.
Повар отступил на несколько шагов и отчаянно замахал руками.
— Это невозможно! Вы же прекрасно знаете, в погреб никого непускают!
— Так я вам всё время и твержу, что невозможно. Просто я сварю кашу на во...
— Не говорите этих ужасных слов! — вскричал повар. — Моя заливная рыба! Она получится слишком нервной. Мои взбитые сливки! Они будут взъерошены. А король терпеть не может взъерошенных взбитых сливок!
— Что поделаешь, каша будет на...
— Хорошо! Я попробую. Начальник королевской стражи — мой троюродный брат. Это такой души человек. Благородный, отзывчивый, бескорыстный...
— Дело ваше, — равнодушно сказала Барбацуца и отвернулась. Но она так стиснула руку Лоскутика, что чуть её не сломала.
— Сам спущусь в погреб, принесу ведро льда. — Главный повар со вздохом обмотал горло тёплым шарфом, потуже натянул на уши свой поварской колпак.
— Иди, иди, голубчик! — Барбацуца захочотала так оглушительно, что шоколадный торт, слабо охнув, осел несколько набок.
— А что? Что? — встревожился главный повар.
— А то, что во льду тоже надо разбираться. Синий лёд слишком холодный, молоко перемёрзнет. Жёлтый слишком быстро тает. Зелёный братъ нельзя ни в коем случае — он бывает ядовит, особенно в конце месяца...
— Барбацуца! — взмолился главный повар. — Не в службу, а в дружбу: сходите сами. Я в этом ничего не понимаю.
— Ни за что! У меня и так нос заложен. — Барбацуца угрожающе затрубила носом.
— Прошу вас!

– Все кости ломит. Ночью ноги так и сводит.
– Умоляю!
– Кашель мучит! – Барбацуца вся затряслась от кашля.
– Заклинаю!
– Ладно уж, – нехотя согласилась Барбацуца.
– Не знаю, как благодарить вас, милая Барбацуца! – с облегчением воскликнул главный повар.

Он поспешил схватил десяток жареных уток, фаршированного индюка, двух поросят и огромную рыбину на серебряном блюде.

– А это для кого? – насмешливо спросила Барбацуца.

Главный повар немного смущился.

– Мой троюродный брат... Он такой бескорыстный... Но знаете ли, не любит, когда к нему с пустыми руками...

И, накинув себе на шею ещё три связки колбас, главный повар покинул кухню.

Глава 23 Облако, где ты?

Назад на кухню главный повар явился уже налегке, даже без серебряного блюда.

Его костюм был весь в жирных пятнах. Пятно на животе было похоже на индюка, пятно на левом боку напоминало поросёнка, на правом – утку.

– Какой милый бескорыстный человек!.. – сказал он, потирая сальные руки.

– Поторопливайся, девчонка! Пойдёшь вместе со мной! – зарычала Барбацуца и наградила Лоскутика крепким подзатыльником.

Схватив пустое ведро и толкая перед собой Лоскутика, она вышла из кухни.

Погреб имел вид осаждённой крепости.

Среди мирных кустов розовых и чайных роз с угрожающим видом чернели жерла пушек. Пахло порохом и тлеющими фитилями.

Привалясь спиной к груде ядер, начальник королевской стражи с наслаждением обссыпал индюшачью ногу.

Барбацуца прошла мимо стражников, нарочно хватила пустым ведром по лафету пушки.

На двери погреба красовался новый здоровенный замок.

Начальник королевской стражи вставил в него ключ и с трудом повернул скользкими от жира пальцами.

Барбацуца выхватила из рук стражника зажжённый фонарь, стала спускаться вниз по крутой лесенке. Лоскутик, боясь отстать, поторопилась за ней.

Лоскутик спускалась вслед за мигающим огоньком и огромной тенью Барбацуцы. Позади, икая от сытости, топал начальник королевской стражи.

Спускаться пришлось долго.

Сырость поползла по ногам, поднялась до живота, добралась до макушки.

Лоскутик услышала идущий откуда-то снизу дробный стук, как будто два десятка дятлов молотили носами по крепкой сосне.

«Откуда тут дятлы?» – удивилась Лоскутик.

Но это были вовсе не дятлы. Это были четыре стражника, которые, громко стучали зубами от холода, сидели на корточках вокруг зажжённой лампы.

Они грели об неё руки. Их огромные лапищи, обхватившие лампу, просвечивали насквозь, были красными и прозрачными.

Барбацуца бесцеремонно растолкала их, ногой распахнула тяжёлую дверь, обитую медью.

Барбацуца и Лоскутик вошли в огромный ледяной подвал.

Свет лампы, сверкая, побежал по острым ледяным глыбам. В дальних углах зашевелилась вспугнутая темнота.

Куски льда громоздились, как прозрачные горы, крепости, башни, нависали, как тяжёлые мосты из хрустала.

На стенах ледяные узоры, стрелы, игольчатые звёзды.

Дрожь пробежала по спине Лоскутика. Но совсем не от холода. Только сейчас поняла она, как трудно будет ей тут отыскать Облако.

– Набирайте... ик!.. льда, да поскорее! – воскликнул начальник королевской стражи. – Там наверху у меня остался... ик!.. индюк и полдюжины... ик!.. уток. А эти пушкари такие нахалы...

– Иди... – шепнула Лоскутику Барбацуца.

Лоскутик принялась переворачивать одну за другой тяжёлые, скользкие ледяные глыбы.

– Скорее! – злился начальник королевской стражи. – О!.. Они уже... ик!.. хрустят моими косточками, то есть косточками моих уточек!

Руки у Лоскутика окоченели от холода. Она в кровь изрезала их об острые края ледяных глыб.

«Мне не найти тут Облако и за целый год...» – в отчаянии подумала Лоскутик.

Наверно, Барбацуца подумала то же самое.

– Идём отсюда. Ничего не выйдет... – шепнула она.

Лоскутик упрямо затряслась головой.

– Не уйду без Облака... Лучше замёрзну...

Барбацуца посмотрела на Лоскутика, кивнула и вдруг тихо улыбнулась.

«Улыбается!.. – не поняла Лоскутик. – Улыбается – сейчас?»

– А ну убирайся отсюда! – зарычал начальник королевской стражи, грубо хватая Лоскутика за плечо.

Но, видно, плохо он знал Барбацуцу.

Барбацуца подскочила и с размаху надела ему на голову пустое ведро. Кулаком изо всех сил стукнула по донышку, и оглушённый начальник королевской стражи, кроткий, как ягнёнок, усился на пол.

– Скорей! – крикнула Барбацуца Лоскутику.

Лоскутик в отчаянии оглянулась по сторонам.

И вдруг, в наступившей тишине ей послышался негромкий храп и сонное посапывание.

Она изо всех сил навалилась на тяжёлый кусок льда, откатила его в сторону, принялась раскидывать ледяные глыбы, сваленные одна на другую. Из её пальцев сочилась кровь, но она не обращала на это внимания.

В самой глубине она увидела кусок льда, очень странный на вид.

Он был похож на часы. На очень старинные часы с обломанными стрелками.

Лоскутик наклонилась над ним. Она услышала слабый стон.

– Нашла! – вне себя от радости прошептала Лоскутик.

– Лентяйка! – завопила Барбацуца. – Все кишки мне заморозила!

Лоскутик прижала к себе ледяные часы. Ссыпала в карман передника ледяные стрелки и вывалившиеся из часов прозрачные колесики и пружинки.

Барбацуца бросила ей на плечи свою шаль, прикрыла ледяные часы. Сдёрнула с головы начальника королевской стражи его необыкновенный шлем. Не глядя, накидала полное ведро льда.

Начальник королевской стражи, ничего не соображая, послушно побрёл за ними, качаясь и стукаясь плечами о стены на узкой лестнице.

Около погреба стражники складывали кучами пушечные ядра. Они с трудом удерживали их жирными пальцами. Губы и щёки у стражников масляно блестели.

А жареные утки, индюк и поросёнок бесследно исчезли.

– Опять голубей не накормила, бездельница, лентяйка! – страшным голосом закричала Барбацуца. – Марш домой!

Лоскутик бросилась бегом по дорожке.

Барбацуца подхватила с земли камень и швырнула Лоскутику вдогонку. Но камень почему-то полетел совершенно в другую сторону.

Лоскутик поплотней закрыла шалью Облако.

По её животу текли ледяные струйки. Солнце жарило вовсю, но Лоскутик тут же промёрзла до костей. Она испугалась, что холод доберётся до её сердца и оно перестанет биться.

Облако становилось всё легче. Оно шевельнулось, сонно вздохнуло, потом начало сладко зевать, потягиваться.

Вдруг Лоскутик почувствовала холод вокруг шеи – это Облако выпростало руки из-под шали и обняло её.

Лоскутик робко подошла к высоким чугунным воротам.

Разомлев от жары, привалившись к воротам, сидели Рыжий Верзила и Рыжий Громила.

– Стой! – крикнул Рыжий Громила.

– Брось… – вяло пробормотал Рыжий Верзила.

– Она что-то прячет под шалью, – подозрительно заметил Рыжий Громила.

– Это Барбацуцына девчонка. Не связывайся с ней. Послушайся доброго совета, – с трудом разлепив залитые потом веки, лениво сказал Рыжий Верзила.

– Что у тебя под шалью? – зарычал Рыжий Громила.

– Оставь девчонку в покое… – зевнул Рыжий Верзила, снова закрывая глаза.

Рыжий Громила за плечо притянул к себе Лоскутика.

Он сунул руку ей под шаль и тут же выдернулся.

– Ну и холодице! – восхликал он с удивлением. – Ничего там нет, а холодно, как в животе у лягушки!

Лоскутик быстро проскользнула в ворота.

Она пересекла площадь Однокой Коровы и знакомыми улочками побежала к дому Барбацуцы.

Там с беспокойством и нетерпением её ожидали Вермильон, Сажа и жаба Розитта.

Глава 24

Что может случиться, если нечаянно наступить на лимонную корку

Барбацуза с торжествующим видом заявилась на кухню с полным ведром льда.
Две скромные румяные девушки внесли бидон с молоком.
Барбацуза ударила ногой по ведру, ведро опрокинулось, лёд рассыпался по полу.
– Вы сошли с ума, дорогая Барбацуза! – в испуге воскликнул главный повар. – Что вы делаете? Молоко опять скиснет!
– Не скиснет, – загадочно сказала Барбацуза. – Думаешь, молоко глупее тебя? Нет, милый, ему достаточно знать, что на кухне есть лёд.
И действительно, на этот раз молоко и не подумало скиснуть.
Густой белой струёй оно потекло в кастрюлю. Барбацуза вскарабкалась на табуретку.
Никогда ещё она не варила манную кашу с таким вдохновением.
Повара и поварята испуганно прилипли к стенам.
В клубах пара лицо Барбацузы то сжималось, то растягивалось.
Как бешеная вертелась в руках поварёшка.
Барбацуза даже что-то напевала. Это было потрясающее.
Никто никогда не слышал, чтобы она пела.
Как ты уже знаешь, мой читатель, троюродный брат главного повара был начальником королевской стражи. Но у главного повара имелся ещё двоюродный брат. Этот двоюродный брат был морским разбойником.

Главный повар, слушая песню Барбацузы, даже струхнул немного. Эта песня живо напомнила ему самую кровожадную песню пиратов.

– Каша готова! – воскликнула Барбацуза и швырнула в угол поварёшку.

О, какая это была каша! Она напоминала крем, взбитые сливки, горячее мороженое, морскую пену – всё, что хотите, только не обыкновенную манную кашу.

Барбацуца в изнеможении сползла с табуретки.

Главный повар под руку довёл её до двери, и Барбацуца отбыла к себе домой.

— Я должен попробовать мой сладкий соус, — усталым, но успокоенным голосом сказал главный повар. — Не слишком ли он взволнован.

Он направился к плите, где в кастрюльке кипел и загадочно булькал сладкий соус.

Но беда может случиться с каждым. Даже с главным поваром. И где угодно. Даже на совершенно безопасном пути к плите, где в кастрюльке кипит сладкий соус.

Итак, повар не сделал и трёх шагов, как, наступив на что-то ногой, с грохотом растянулся на полу.

— Кто это подстроил? Кто хотел, чтобы я упал? — зарычал он, с трудом вставая на ноги и держа в руке половинку выжатого лимона.

В кухне стало тихо.

Только сковородки и кастрюли беспечно о чём-то своём болтали на плите.

— Я знаю! — неожиданно пискнул самый маленький поварёнок. Звали его Перецсоль. Он ещё ничего не умел делать. Он только подавал поварам перец и соль, когда они были им нужны. Перец-соль пискнул: «Я знаю!» — и тут же пожалел об этом.

Все на него посмотрели. От страха маленький Перецсоль весь сжался. Если бы он мог, он спрятался бы в свой собственный поварской колпак, который был больше его самого.

— Говори!

— Это та старушка, которая варила манную кашу! — прошептал несчастный Перецсоль.

— Барбацуца?

— Она резала лимоны пополам и выжимала в бидоны с молоком...

— Врёшь! Оторву уши!

— Правда! — пищал Перецсоль, весь вспотев от страха. — Выжмет — и швырк под лавку.

Главный повар, встав на колени, сам пополз под лавку. Там кучкой лежали выжатые лимоны.

— Ничего не понимаю... — в полном недоумении развёл руками главный повар. — От лимонного сока молоко тут же скисает. Зачем бы ей это? А сама ещё просила льда...

Тут главный повар быстро зажал себе рот ладонью. Молча, дикими глазами оглядел всех.

Его высоченный колпак сам собой немного приподнялся — это волосы на голове главного повара встали дыбом.

Ни слова не сказав, он выбежал из кухни.

Глава 25 Что помешало Облаку рассказать до конца свой сон

Облако сидело на кровати и громко чихало.

Оно было похоже не поймёшь на кого. Голова Лоскутика с косичками в разные стороны, длинные руки Слыши, на животе часовая и минутная стрелки. Из-под одеяла торчал рыбий хвост с чешуёй – это было всё, что осталось от русалки.

– Апчхи! – вовсю чихало Облако, и в нём дребезжал гром, как чайная ложка в треснувшем стакане.

– Будь здорово! – хором говорили Сажа и Вермilion.

Жаба Розитта сидела в суповой миске, куда была налита вода, и с блаженным видом таращила выпуклые глаза.

Лоскутик – от радости рот до ушей – поила Облако чаем с малиновым вареньем.

– Пей, пей, пока не остыло, – уговаривала она Облако.

В комнату, рыча, влетела Барбацуца.

Выбила чашку с чаем из рук Лоскутика, сорвала с постели одеяло и бросилась на Облако.

Она попробовала ухватить Облако за руку, потом за хвост, но, как ты прекрасно понимаешь, это было совершенно невозможно.

– Ой, щекотно!.. – извивалось и хихикало Облако.

– Как?! – вопила Барбацуца. – Ведь его и нет вовсе! Из-за этого пустого места столько суматохи!?

– Апчхи! – чуть не разорвалось на части Облако.

– Чихает... – изумилась Барбацуца и тяжело плюхнулась на стул. – Ох и устала же я...

– Главное, я теперь знаю... апчхи... – возбуждённо говорило Облако, – источник под королевским троном в главном зале. Надо его... апчхи! Я хочу сказать, надо его выпустить на волю. Тогда река наполнится... апчхи!.. водой. Трава разбежится по всему королевству. Деревья опять научатся зеленеть. Цветы вспомнят... апчхи!.. как надо цветсти!

– Но согласится ли король? – робко спросила Лоскутик.

– С тех пор как Облако помогло мне раздобыть пять кошельков золота, я снова начал писать портреты, – задумчиво сказал Вермильон. – Но теперь богачи не заглядывают ко мне. Я стал рисовать простых людей. Вы знаете, это гораздо интереснее. Сквозь одно лицо у них не просвечивает другое. В них всё настояще: отвага и честность. Я написал портрет Великого Часовщика. Каждая его морщина говорит о мудрости. Я познакомился с оружейниками. Я писал кузнецов, освещённых блеском раскалённых углей. Все они смелые люди. Они не будут просить у короля милости. Они будут требовать.

Барбацуца прыгнула вперёд и вцепилась в плечи Вермильона.

– Пусть мои друзья простые повара и пекари, – закричала она, – но они кочергой и поварёшкой до полусмерти исколютят твоих дурацких оружейников!

– Дорогая Барбацуца, – улыбнулся художник, – нет никакой нужды вашим друзьям нападать на моих друзей.

– Это я сказала, чтобы ты не очень-то задирал нос, – проворчала Барбацуца.

– Мы все должны объединиться, и тогда королю придётся уступить, – сказал Вермильон.

В это время Облако раскашлялось с такой силой, что голова и руки у него оторвались и, некоторое время кашляя и чихая, плавали под потолком, пока наконец не смогли соединиться снова.

– Чего смотришь? – набросилась Барбацуца на Лоскутика. – Укутать его надо потеплее. Горло завязать. Горчичники ему надо поставить, вот что!

– Горчичники? – заинтересовалось Облако. – Клянусь громом, я буду первым Облаком, которому поставили горчичники! Пожалуй, я не прочь...

– Сначала надо смерить ему температуру. Градусник! Где градусник? – закричала Барбацуца.

Градусник отыскался почему-то в корзине с бельём.

Барбацуца занесла его над Облаком, как кинжал.

– Сейчас же поставь градусник! Да где у этого дрянного Облака подмышка? Отвечай, где у тебя подмышка?

В конце концов градусник положили на постель. Облако прилегло сверху, но в тот же миг градусник разлетелся на тысячу мельчайших осколков.

– Ой! У него сто градусов! – испугалась Лоскутик.

Барбацуца засуетилась:

– Врача ему, лекаря! А какого? Почём я знаю, кто облака лечит? Может, ветеринара позвать?

– Не беспокойтесь... – томно простонало Облако, которому на самом деле очень нравилась вся эта суматоха. – Ну задело я градусник молнией, и всё...

– Ах ты, притворяла! – обрушилась на него Барбацуца. – Никакой сырости у этой совести! Ох, мозги врозь!

Никакой совести у этой сырости. И эта лягушка небось не кормлена. – Барбацуца ткнула пальцем в жабу Розитту, сидевшую в суповой миске. – Тыфу! Эй, вы! Все до одного! Живо марш за мухами!

Вермильон и Сажа наловили по окнам мух.

Жаба Розитта деликатно съела пять мух и одного комара.

– Ква... Кхи... Кхи... Ква... Ква... Пхи... Пши... – вежливо прохрипела жаба Розитта.

– Чего это она? – строго спросила Барбацуца. – Ничего не поняла, ни словечка.

– Она говорит, – объяснила Лоскутик, – что в старости надо думать о возвышенном, а не о мухах.

— Тыфу ты, лягушка, а туда же... — сказала Барбацуца и с уважением посмотрела на жабу Розитту. — Спроси у неё, может, она кофейку хочет?

— Вряд ли, — покачала головой Лоскутик.

— А какой мне сон приснился, когда я лежало в ледяном подвале!.. — Облаку показалось, что на него слишком мало обращают внимания. — Мне приснилось, что я уснуло на цветах и меня съела большая облачная корова. Когда её стали доить, я превратилось в облачное молоко. Это было очень интересно... Нет, нет, вы слушайте, что было дальше. Дальше ещё интересней. Я попало к столяру и прилипло к табуретке, намазанной столярным kleem...

Но Облаку не удалось рассказать до конца свой удивительный сон.

В это время в дверь Барбацуцы застучало сразу двенадцать кулаков.

Глава 26 Бочка смолы

Итак, в то время как все наши друзья сидели в маленькой комнатушке под крышей и Облако рассказывало им свои сны, в дверь заколотила сразу дюжина кулаков.

Барбацуца высунулась из окна. Сверху она увидела только железные шлемы и пики, как будто у неё во дворе расположился торговец оружием со своим товаром.

На самом деле весь крошечный двор возле её дома был забит вооружёнными стражниками.

Из переулка слева выехал отряд конной стражи. Из улочки справа вывезли три здоровенных пушки.

Отовсюду к дому Барбацуцы валил народ.

Барбацуца так страшно зевнула, что передние ряды стражников попятались.

– Чего это вы заявились ко мне в гости без приглашения? Да ещё не дали мне вздремнуть после обеда!

– Нам всё известно, Барбацуца! Все твои штучки с лимонами! – взвизгнул главный повар, который тут же прямо из горлышка флакона глотал успокоительные капли.

– Эй, Барбацуца, выдай нам девчонку и Облако! – грозно крикнул начальник королевской стражи. – Тогда король простит тебя!

– Я скорее сама из себя сварю суп, чем отдам вам такую девчонку и такое славное Облако! – отрезала Барбацуца и захлопнула окно.

Главный тюремщик забежал за угол и сказал Лоскутику, которая как раз в это время выглянула из окна:

– Милая сиротка, бедная крошка! Выдай нам эту дрянную старуху и это никому не нужное Облако! За это король подарит тебе настоящих живых маму и папу!

Но Лоскутик вместо ответа только высунула язык.

Помощник главного тюремщика, который мечтал сам стать главным тюремщиком, а главного тюремщика сделать своим помощником, обежал дом с другой стороны и крикнул мелькнувшему в окне Вермильону:

– Эй, художник, выдай нам Облако, старуху и девчонку! Тогда наш король объявит тебя самым лучшим художником в королевстве!

Но художник только погрозил ему кулаком.

Сажа, решив получше разглядеть, что творится около дома, нырнул в камин, без труда через дымоход выбрался на крышу и уселся на трубе.

– Трубочист! – тихо позвал его главный советник Слыши.

Конечно, Слыши тоже был тут. Ты бы сразу его заметил. Он стоял около кареты в своих вечных чёрных калошах.

Он заговорил совсем тихо. Но его услышали все, даже старый оглохший трубач, живущий за три улицы от дома Барбацузы.

– Выдай нам Облако, старуху, девчонку и художника! Я прикажу тебе позолотить с ног до головы. Ты будешь единственный золотой трубочист на свете.

– Можешь позолотить свои калоши! – крикнул ему Сажа и показал длинный нос.

Облако разделилось на четыре части и выглянуло сразу из четырёх окон.

– Ого, кажется, нас окружили… – озабоченно пробормотало Облако. – Жаль, что я не научило Лоскутика летать. Она такая хорошая и добрая, что, может быть, и могла бы этому научиться… Так, так… Что же придумать?

Облако заглянуло в камин.

– Эй, Сажа! – крикнуло Облако. – Поскорей выпусти всех голубей Барбацузы! Они знают, что делать.

– Ах ты, мокрое место, туман, сырость, слякоть! Ты ещё распоряжаешься в моём доме! Кто здесь хозяйка: ты или я?

И Барбацуца принялась изо всех сил тузить Облако кулаками.

Её кулаки проходили прямо сквозь Облако, и оно не обращало на это ни малейшего внимания.

Оно о чём-то сосредоточенно думало, нахмурив лоб.

Наконец, Барбацуца больно ушибла кулак о спинку стула. Тяжело дыша, она опустила руки.

Тем временем голуби, все до единого, вылетели из голубятни, сделали круг над домом и куда-то улетели. Впереди всех летел чёрный голубь Сажи.

– Взломать двери! Их надо взять живыми или мёртвыми, – прошептал Слыши. – Лучше не живыми…

Из толпы вышел старый оружейник.

Тяжёлый меч воткнул в землю, руки сложил на рукояти меча.

– Мы хотим знать, в чём виноваты двое детей, старуха и художник? – старым, усталым голосом спросил оружейник.

– В тюрьму его… – прошептал Слыши.

Десять стражников бросились на старика, схватили его.

Но десять молодых оружейников оторвали от старика их цепкие руки и швырнули стражников на землю.

– Мы виноваты только в том, что знаем королевскую тайну! В этом, и больше ни в чём! – завопила Барбацуца, высываясь из окна.

– Выбить дверь! – крикнул начальник королевской стражи.

Но перед дверью, как из-под земли, выросла толпа пекарей, гончаров и ткачей.

– Зарядить пушки!

Но кузнецы и оружейники оттеснили пушкарей от пушек. Они повернули тяжёлые пушки и направили их на стражников. И тут Слыши прошептал странное слово:

— Смола...

Никто не успел опомниться.

Рыжий Громила и Рыжий Верзила, согнувшись, выкатили откуда-то небольшую чёрную бочку.

Охнув, подняли её — бочка хоть небольшая, да, видно, была тяжела, — раскачали её и ударили об угол дома.

Бочка, хрустнув, раскололась. Густая, липкая смола облепила стену, стала сползать вниз. Рыжий Громила через головы стоящих швырнул горящий факел.

И в тот же миг стена дома разом вспыхнула. Оранжевое пламя рванулось кверху. Закружила косматая, чёрная копоть.

— Пожар, пожар! Я боюсь! — вскрикнул тонкий детский голос.

В этом королевстве, лишённом воды, пожар был самой большой бедой. Пожаром пугали непослушных детей.

А пламя словно догадалось, что оно здесь хозяин, что все перед ним бессильны, оно охватило вторую стену, крыльцо и дверь.

— Эй, люди! — крикнула Барбацуца, размазывая по щеке чёрную копоть. — Знайте: король украл у вас воду! Вы слышите? Великий источник во дворце! Под королевским троном!

— Заставьте её замолчать! — прохрипел Слыши.

Расталкивая стражников, к горящему дому бросились плотники. Они несли топоры, волокли длинные лестницы.

— Куда?! Назад! — заорали стражники.

Всё смешалось на маленьком дворике Барбацуцы. С хрустом завалился забор, упали ворота. Замелькали кулаки.

Слышен был только треск ломающихся пик и удары сабель о молоты каменотёсов.

Стражников оттеснили в узкую уличку, припёрли к стенам.

Тотчас с четырёх сторон к пылающему дому плотники прислонили длинные лестницы. Кузнецы, передавая с рук на руки, спустили вниз Лоскутика и Сажу.

По другой лестнице сошёл вниз художник Вермильон, держа жабу Розитту, завёрнутую в клетчатый носовой платок.

Барбацуца помедлила, стоя на подоконнике. Она скрестила на груди руки. Оглянулась, посмотрела внутрь горящего дома.

Там гудело и выло пламя.

– Барбацуца, иди сюда! – плача, крикнула Лоскутик.

И Барбацуца тоже спустилась вниз.

Последним вылетело из дома Облако. От копоти оно стало полосатым и пятнистым.

Плотники рубили топорами горящие брёвна, растаскивали их в разные стороны, засыпали песком.

Оружейники окружили Сlyша, начальника королевской стражи и главного тюремщика. Пекари и ткачи разбирали оружие, в страхе брошенное стражниками.

Но пламя уже охватило весь дом. Плясали рыжие языки огня, и на каждом была шапочка копоти.

Крыша дома с грохотом завалилась. Во все стороны полетели искры и красные голо-вешки.

Задымилась и вспыхнула соломенная крыша на маленьком доме, куда недавно перебрался старый мастер зонтиков.

Потом загорелся крытый иссохшей дранкой дом бедной кружевницы. Сухое дерево вспыхивало легко и сразу.

Горело жарко, разбрасывая снопы искр.

Облако бросалось прямо огонь, выпускало из себя струи воды.

Оно сморщилось как воздушный шарик, из которого выпустили воздух, с трудом взлетало вверх, кашляя от дыма.

Теперь уже полыхали все дома вокруг. Дымились и тлели дальние крыши.

Оружейники и плотники отшвырнули стражников от колодца. Но добраться до воды было непросто. Колодец до самого верха был забит камнями.

Со всех сторон к горящим домам бежали люди. Они несли воду. Последнюю воду. Кто на дне ведра, кто в кувшине, кто в маленькой кружечке.

Но разве кружкой воды можно потушить пылающий город?

Глава 27 Молния старой бабки Грозовой Тучи

– Ха-ха-ха! – загремела вдруг Барбашуца. – Гляньте-ка на Слыши! Сейчас он уползёт под карету!

Все посмотрели на Слыши.

Слыши, прислонившись спиной к карете, сползл вниз.

Он присел на корточки, съёжился так, что его лицо очутилось между поднятых колен. Он смотрел вверх с ужасом, яростью и изумлением.

И только тут люди увидели, как потемнело небо над их головами. Как будто вдруг, внезапно наступил вечер.

На город наползала тёмная, тяжёлая туча, волоча лиловые лохмотья по крышам домов.

Внутри её что-то мрачно погромыхивало, будто она тащила за собой сундуки, набитые медной посудой, встряхивала их и стукала друг о друга.

– Остановить! Прекратить! Запретить! – во весь голос закричал Слыши.

И хотя он закричал первый раз в жизни, его никто не услышал.

– Капелька! – зазвенел вдруг детский голосок. – Мама, мне на нос с неба упала капелька!

И тут будто кто опрокинул большое, во всё небо, ведро.

Потоки воды с шумом, плеском полились на пылающий город.

– Ах ты, негодное Облако! Вечно от тебя нет покоя старой бабке! – раздался рокочущий, грохочущий голос откуда-то сверху.

И вдруг сверкнула яркая молния. На миг она остановилась в небе, как серебряное дерево. Всё осветилось дрожащим мерцающим светом.

Молния вонзилась прямо в острую кровлю дворца.

А вслед за ней огромная сизая рука кинула в окно дворца пригоршню шаровых молний, горящих, как круглые лампы.

Вскрикнули все люди на площади, схватились за руки, чтобы удержаться на ногах.

Главная башня дворца покачнулась, наклонилась и рухнула. Гул прокатился по земле. И все увидели, как из груды развалин вырвался светлый фонтан воды и поднялся до самой тучи. Это был в небо освобождённый Великий источник.

Грохот смешался с громом и хохотом. И сейчас же ливень хлынул с новой силой.

Вода пригнула книзу языки пламени. Огонь шипел, извивался, корчился, прятался в густых клубах дыма. Но вода настигала его, сбивала с крыш, с мокрых бревен, до тех пор пока нигде не осталось ни одного красного уголька.

Тут дождь пошёл ещё веселее.

Люди высакивали из домов. Они протягивали вверх руки, и вода сбегала по их рукам до самых плеч.

Седые старики выходили из дверей. Они вспоминали детство, и дождь смывал слёзы с их щёк.

Ребятишки запрыгали по лужам, поднимая фонтаны брызг. Можно было подумать, что дождь идёт сразу сверху и снизу, с земли.

Мокрые голуби, кружка над домами, взмахами крыльев разогнали дым.

И тут все увидели, что на площади нет ни главного советника Слыши, ни начальника королевской стражи, ни главного тюремщика, ни солдат.

Можно было подумать, что потоки дождя смыли этих злых людей, как дождь смыывает с мостовой мусор и грязь.

И правда, больше никто никогда их не видел. Видно, великий ливень так их напугал, что они убежали в невесть какие дальние страны и уже не посмели вернуться.

Дождь неплохо отмыл маленького трубочиста. Оказалось, что волосы и брови у него совсем белые, даже мокрые они были светлыми.

– Ах ты, дрянь такая! – набросилась Барбацуца на Лоскутика. – Спалила-таки своё платье! Добилась своего! Придётся покупать тебе новое.

Но Лоскутик только крепко прижалась к Барбацуце и поцеловала её в закопчённую щёку.

– Вот тебе! Вот тебе! – послышался гулкий, катящийся по земле голос.

Сквозь падающий дождь все разглядели старую бабку Гроздовую Тучу, которая таскала за ухо бедное Облако.

Она дёргала его из стороны в сторону:

– Будешь ещё не слушаться старую бабку? Будешь летать куда не следует? А как надо, голубей за мной посылаешь?! «Помогай, старая бабушка, выручай!» А?!

Облако с отчаянными воплями приплясывало на одной ноге.

– Отпусти его! Сейчас же отпусти! – закричала Барбацуца, подпрыгивая изо всех сил и тыча кулаками вверх. – Вы все бессовестные! Бросили нас, не прилетали! Только оно помогло нам! Так что нечего трепать ему уши!

Видимо, слова Барбацуцы произвели впечатление на старую бабку Гроздовую Тучу, она, ворча и сердито клубясь, отпустила Облако.

Облако, потирая ухо, которое стало больше колеса, бросилось к Лоскутику.

– Какое поразительное лицо у вашей уважаемой бабушки! – с восхищением сказал Вермильон Облаку. – О, если бы она согласилась мне позировать… С каким наслаждением я написал бы её портрет!

Между тем толпа окружила наших друзей.

Люди подняли их на плечи и понесли.

Барбацуца брыкалась как могла и молотила кулаками по чым-то головам. Но старый оружейник шепнул ей:

– Тише, тише, дорогая Барбацуца! Разве ты забыла, что я сватался к тебе пятьдесят лет назад? А когда ты мне отказалась, я так и не женился.

Барбацуца съездила его по затылку, но брыкаться всё-таки перестала.

Пять оружейников, три ткача, семь пекарей и мастер зонтиков бережно понесли невесомое Облако.

Здоровенный кузнец посадил на одно плечо Сажу, а на другое – Лоскутика.

И только жаба Розитта попросила оставить её в луже и дать ей хоть немного прийти в себя и отдохнуться.

– Мне хочется немного отдохнуть от суматохи и подумать о вечности... – заявила она. – О том, как из икринки получается головастик, как он превращается в лягушку и всё идёт своим чередом. А потом я прискаку на ваш праздник.

А дождь всё шёл и шёл. Все промокли до нитки, но никто не хотел, чтобы он кончался.

На площади Однокой Коровы под дождём танцевал Один-Единственный Нищий, а в мастерской Великого Часовщика звонили от радости все его умные часы.

Толпа остановилась на старом мосту.

Люди перегибались через перила, смотрели вниз.

По сухому дну, между голых пыльных камней, робко бежал мутный ручеёк.

Но люди смотрели на него как на чудо.

А воды всё прибывало. Скоро уже вода забурлила между камнями. Закрутилась водоворотом вокруг свай моста.

– Это моя вода! Моя! – закричал дядюшка Буль, по колено входя в реку.

Глаза у него были пустые и мёртвые. Он начал хватать воду руками, но она убегала у него между пальцами. Вода поднялась уже ему по самую грудь.

– Всё моё!.. Никому бесплатно не дам ни одной капли, ни одной капельки! – бормотал он.

– Он сошёл с ума от жадности и злобы, – сказали люди.

И женщины отогнали мальчишку и запретили им дразнить сумасшедшего.

Наконец все пришли на дворцовую площадь. Ворота в парк были широко распахнуты. Девушки нарвали полные корзины цветов. Они плели венки и бросали их в реку.

– Нет, больше я не могу сидеть на одном месте! Никогда в жизни так не уставала... – проворчала старая бабка Грозовая Туча, вылетая из окна мастерской художника Вермиллона.

Но Вермilion уже закончил портрет.

Он был счастлив. Правда, он сидел почти по пояс в воде. Вся штукатурка на стенах и на потолке размокла и обвалилась. Но портрет получился очень похожим. Старая бабка Гроздовая Туча была на портрете как живая.

Этот портрет и до сих пор висит в городском музее.

Если ты, мой читатель, когда-нибудь попадёшь в этот город, обязательно загляни в музей и посмотри на портрет старой бабки Гроздовой Тучи. Не пожалеешь!

– Ну, пора прощаться! – громыхнула старая бабка Гроздовая Туча, появляясь над площадью.

– Не улетай! – крикнула Лоскутик, обнимая Облако.

– Ох уж эти мне прощания! – Старая бабка Гроздовая Туча сердито дёрнула Облако за руку и подняла его в воздух. – Сейчас оба начнут ныть и проливать дождик!

– Прощай, Лоскутик! – крикнуло сверху Облако, стараясь вырвать руку из лиловой лапищи своей бабки. Рука Облака всё удлинялась и удлинялась, но старая бабка Грозовая Туча всё-таки уводила Облако за собой.

Слёзы лились из глаз Облака прямо на Лоскутика.

– Я побегу за тобой! – плача, закричала Лоскутик.

Но Барбацуца крепко ухватила её за руку.

– Пусти же меня, пусти! – попробовала вырваться Лоскутик.

– Девочки не бегают по всей земле за облаками, – печально сказала Барбацуца. – Так не бывает.

– Когда ты прилетишь опять? – крикнула Лоскутик.

– Теперь облака будут часто прилетать в вашу страну! – уже издали ответило Облако.

– А ты? Ты прилетишь? – изо всех сил крикнула Лоскутик.

– Прилечу... Прилечу... – донёс до Лоскутика ветер.

– Я буду ждать... – прошептала Лоскутик. – Я буду думать о тебе всю жизнь, каждую минуту...

Барбацуца так крепко обняла Лоскутика, что у Лоскутика на спине скрипнули лопатки.

Дождь кончился. Только звонко падали крупные капли с крыш. И каждая капля, падая, говорила какое-то короткое, непонятное, но очень весёлое слово.

Старая бабка Грозовая Туча на лету обернулась. Она пошарила в бесчисленных складках своего серого плаща и вытащила оттуда какой-то полосатый и сверкающий шарф. Встряхнула его за конец и бросила в воздух.

И тотчас над городом изогнулась дугой сияющая радуга.

Она перекинулась мостом над толпой, над мокрыми, умытыми крышами освобождённого города, над рекой, по которой плыли, сталкиваясь и кружась, венки цветов.

